

18+

АЛЕКСАНДР КАПИТОНОВ

ПСИХОЛОГИЯ СТАИ: механизмы, границы, трансформация

СБОРНИК СТАТЕЙ И ДИСКУССИЙ

Александр Капитонов

**Психология стаи: механизмы,
границы, трансформация.
Сборник статей и дискуссий**

«Издательские решения»

Капитонов А.

Психология стаи: механизмы, границы, трансформация. Сборник статей и дискуссий / А. Капитонов — «Издательские решения»,

В сборнике представлены статьи и материалы экспертных дискуссий, посвященных феномену деструктивных групп. Анализируются структура «стаи», механизмы удержания членов, условия трансформации в просоциальное сообщество, а также риски псевдо трансформации. Рассмотрены причины приверженности к стае. Ключевые механизмы изменения: эмоциональная синхронизация, катарсис, формирование автономной идентичности. Освещены критерии подлинной трансформации. Для психологов, педагогов, социальных работников.

© Капитонов А.

© Издательские решения

Содержание

Актуальность проблемы	6
Феномен «стаи» как предмет исследования	20
Введение	20
Анатомия деструктивной группы: структурно-функциональный анализ	27
Анатомия стаи: почему в плохой компании держатся за страх, и как агрессия становится криком о материнской любви	37
Критика теории Маслоу в контексте депривированных сообществ	47
Этологические параллели: иерархия доминирования у приматов и человеческих банд — сходства и различия	56
От стаи к сообществу: психология изменения антисоциальных норм в группе	64
Введение	64
Альтернативный центр: к типологии агентов изменения в закрытых сообществах	68
Фазовая динамика перехода: от агрессивного отторжения к селективному принятию	74
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Психология стаи: механизмы, границы, трансформация Сборник статей и дискуссий

Александр Капитонов

© Александр Капитонов, 2026

ISBN 978-5-0071-0387-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Актуальность проблемы

Каждый из нас хотя бы раз в жизни оказывался в ситуации, когда происходящее вокруг вызывало недоумение: как умные, взрослые и вполне дееспособные люди могут добровольно оставаться в группах, где их унижают, используют и подвергают насилию? Почему жертвы защищают агрессоров, а сотрудники годами терпят тиранию начальника, оправдывая ее «корпоративной культурой» или «необходимостью держать планку»? Почему подростки, которые дома кажутся обычными, даже милыми детьми, в компании сверстников превращаются в жестокую стаю, способную на травлю, избиения и унижения тех, кто слабее или «не такой»? Почему взрослые люди, успешные в других сферах жизни, вступают в деструктивные культы и секты, отдают свои сбережения, разрывают связи с близкими и слепо следуют за лидером, который их эксплуатирует?

Эти вопросы не дают покоя ни психологам, ни педагогам, ни родителям, ни социальным работникам, сталкивающимся с последствиями группового насилия. За ними стоит нечто гораздо более сложное, чем просто «плохое воспитание», «дурная компания» или «слабость характера». За ними — фундаментальные законы человеческой психики, которые управляют нами помимо нашей воли и сознательного контроля, законы, сформированные миллионами лет эволюции и первыми годами жизни каждого человека.

Мы привыкли считать агрессию проявлением силы, доминирования и уверенности в себе. Нам кажется, что человек, вступающий в деструктивную группу, банду или токсичное сообщество, делает это из жадности власти, из врожденной жестокости или из желания самоутвердиться за счет других. Обывательское сознание рисует образ агрессора как сильного, холодного и расчетливого хищника, который получает удовольствие от страданий окружающих. Но глубинная психология, опирающаяся на десятилетия клинических наблюдений и теоретических исследований, смотрит на это принципиально иначе.

Агрессия, особенно групповая агрессия, — это чаще всего сила слабого, это броня человека, который так и не получил в детстве достаточно любви, внимания и базовой безопасности, который не научился доверять миру и людям. За фасадом «крутого парня», «безжалостного бандита» или «преданного члена секты» всегда скрывается тот самый испуганный, покинутый и отвергнутый младенец, который однажды сделал для себя страшное открытие: «Чтобы меня заметили, нужно кричать как можно громче. Чтобы меня любили, нужно терпеть боль. Чтобы меня приняли, нужно быть таким же жестоким, как они».

Эрих Фромм, один из самых глубоких и проницательных исследователей природы человеческой агрессии и деструктивности, в своем фундаментальном труде «Анатомия человеческой деструктивности» писал: *«Под маской деструктивности почти всегда скрывается отчаяние. Разрушительность — это не изначальная природа человека, а реакция на невыносимую боль, на ту боль, которая не нашла иного выхода, кроме как обернуться против мира»*¹ [С. 215]. То, что мы принимаем за жестокость, за врожденную склонность к насилию, на самом деле чаще всего является искаженной формой мольбы о любви — о той самой безусловной любви, которой так не хватило в раннем детстве, о том внимании, которое не было получено от значимых взрослых, о той базовой безопасности, которая так и не была пережита как надежная и стабильная. Именно это фундаментальное понимание — что агрессия рождается из боли и

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова. — М.: АСТ, 2016. — 736 с.

дефицита, а не из врожденного зла — становится ключом к пониманию того, как возможно трансформировать деструктивные группы и как можно помочь их членам найти иные, не разрушительные способы удовлетворения своих глубинных экзистенциальных потребностей.

Дональд Винникотт, один из самых тонких и чутких исследователей детской психики и ранних отношений привязанности, как-то сформулировал парадоксальную, но исключительно важную мысль: *«Нет такого понятия, как младенец. Если вы берете на руки младенца, вы неизбежно берете на руки и мать, и всю среду, в которой он существует»*² [С. 89]. Эта, казалось бы, простая фраза означает нечто чрезвычайно глубокое: человек никогда не бывает один, даже когда он физически стоит в полном одиночестве на пустынной улице.

Внутри него всегда продолжает жить та самая первая «среда» — образ матери, отца, семьи, первичной группы, которая сформировала его психику и его представления о том, как устроен мир и как в этом мире можно выжить. И если эта первичная среда когда-то была холодной, отвергающей, жестокой или непредсказуемой, если она не дала ребенку опыта надежной привязанности и безусловного принятия, то человек всю свою последующую жизнь будет бессознательно искать ее суррогат — в друзьях, в начальнике, в романтическом партнере, в группе, в стае, в любой структуре, которая хотя бы иллюзорно воспроизводит те первые, травматические отношения.

Но почему же человек выбирает именно деструктивную группу, а не клуб по интересам, не спортивную секцию, не волонтерское сообщество или терапевтическую группу? Почему он идет не туда, где его примут и поддержат, а туда, где его будут унижать и контролировать? Ответ на этот вопрос кроется в фундаментальном принципе работы человеческой психики: она ищет не безопасное и комфортное, а знакомое и предсказуемое. То, что мы пережили в детстве, каким бы болезненным это ни было, становится для нас внутренней «нормой», той точкой отсчета, по которой мы оцениваем все последующие отношения и ситуации.

Если ребенок вырос в атмосфере, где любовь нужно было постоянно заслуживать через послушание и достижения, где родительское внимание и одобрение доставались только через преодоление боли, где единственным способом быть замеченным был громкий крик или провокационное поведение, то во взрослой жизни он бессознательно будет воспроизводить эту модель, находя партнеров, начальников и группы, которые ведут себя с ним точно так же.

Джон Боулби, создатель теории привязанности, совершивший настоящую революцию в понимании человеческих отношений, показал на основе многолетних эмпирических исследований, что первые отношения ребенка с матерью (или с основным опекуном) формируют так называемую «внутреннюю рабочую модель» всех последующих отношений в жизни человека³. Эта модель действует как бессознательный шаблон: если она говорит человеку «Чтобы тебя любили, нужно страдать и терпеть унижения», «Безопасность и защита даются только через полное подчинение и отказ от себя», «Ты ничего не стоишь и не имеешь ценности, пока кто-то более сильный не подтвердит твою значимость», — то именно такие отношения он будет бессознательно искать и воспроизводить. Он будет выбирать тех партнеров и те группы, которые будут с ним жестоки и требовательны, потому что это знакомо, это предсказуемо, это дает иллюзию понимания мира и своего места в нем.

² Винникотт Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

³ Боулби, Дж. Привязанность / пер. с англ. Н. Г. Горюновой. — М.: Гардарики, 2003. — 480 с.

В агрессивной стае, в деструктивной банде или в токсичном сообществе человек получает сразу несколько мощных психологических «бонусов», которые для его травмированной психики оказываются значительно важнее страха и физической боли, которые ему приходится терпеть.

Во-первых, это иллюзия защиты: да, лидер жесток и может наказать, но он «свой», он не даст в обиду чужих, он создает границу между «мы» и «они», за которой внешний мир кажется менее угрожающим.

Во-вторых, это предсказуемость и структурированность: в группе есть четкие правила поведения, есть жесткая иерархия, есть ясное понимание того, что произойдет в случае нарушения, — и этот порядок, даже если он жесток, дает успокаивающее чувство контроля.

В-третьих, и это самое важное, это чувство принадлежности и растворения в целом: «Мы — одно целое, мы — единый организм, я не один, я больше не чувствую себя покинутым и изолированным».

Именно эти три элемента — иллюзия защиты, предсказуемость структуры и ощущение принадлежности — создают ту самую «психологическую экономику членства», которая делает деструктивные группы такими устойчивыми и такими труднопреодолимыми для их участников.

Эрих Фромм в своей знаменитой работе «Бегство от свободы», которая стала классикой социальной психологии и философии, размышлял над удивительным и трагическим парадоксом человеческого поведения: почему люди, получив свободу, так часто добровольно отказываются от нее в пользу подчинения, диктатуры и авторитарных структур? *«Человек, не вынесший бремени свободы, добровольно отдает себя в руки нового хозяина — лишь бы не оставаться наедине с собственной пустотой и бессмысленностью собственного существования»*, — писал он⁴ [С. 156]. Этот удивительный и пугающий парадокс — готовность человека платить за иллюзию принадлежности своей свободой, своим достоинством, своей личной безопасностью, отказываться от собственного «я» ради слияния с сильной группой — лежит в основе феномена добровольного пребывания человека в деструктивных и токсичных сообществах любого масштаба, от уличной банды до тоталитарной секты.

К этому базовому механизму добавляется еще один, не менее мощный и разрушительный — идентификация с агрессором. Термин был введен в психоаналитический обиход Шандором Ференци, учеником и близким коллегой Фрейда, который описал этот защитный механизм на основе наблюдений за детьми, подвергшимися насилию со стороны взрослых⁵. Суть механизма проста и трагична одновременно: жертва, чтобы справиться с невыносимым ужасом, который вызывает у нее агрессор, бессознательно начинает копировать его поведение, перенимать его черты и даже его систему ценностей. «Если я стану таким же монстром, как он, если я буду вести себя так же, как он, — значит, монстр меня не съест, я стану таким же, как он, и буду в безопасности». Эта детская, архаичная логика сохраняется и во взрослой жизни, и именно она объясняет, почему человек, однажды ставший жертвой насилия внутри группы, сам начинает проявлять насилие по отношению к другим, становясь таким же мучителем и тираном, каким был его собственный мучитель.

⁴ Фромм, Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. Лактионова. — М.: АСТ, 2017. — 288 с.

⁵ Ferenczi S. The Confusion of Tongues Between Adults and the Child // International Journal of Psychoanalysis. — 1949. — Vol. 30. — pp. 225

При этом крайне важно понимать, что деструктивная группа, будь то уличная банда, тюремное сообщество, радикальная секта или даже отдел в корпорации с токсичной культурой, — это не просто случайное скопление «плохих людей». Это сложная, саморегулирующаяся психологическая система, в которой каждый элемент выполняет свою функцию и поддерживает другие. Лидер деструктивной группы нуждается в подчиненных, которые признают его власть и подтверждают его величие, — без них его власть теряет смысл. Подчиненные, в свою очередь, остро нуждаются в лидере, чтобы чувствовать себя частью сильного целого, иметь образец для подражания и избавиться от бремени личной ответственности.

Ритуалы унижения и инициации создают общую травму и общую тайну, которая связывает члены группы сильнее любой дружбы, основанной на взаимной симпатии. Совместное нарушение социальных норм и законов рождает мощное чувство эксклюзивного единства: «Мы вместе перешли черту, мы против всего мира, и никто, кроме нас, не поймет, что мы пережили». Внешняя враждебность общества по отношению к группе только усиливает эту внутреннюю сплоченность, делая группу еще более закрытой, ригидной и устойчивой к любым внешним попыткам воздействия.

Курт Левин, один из основоположников социальной психологии и психологии групп, посвятивший свою жизнь изучению групповой динамики, показал в своих классических экспериментах и теоретических работах, что группа обладает собственным уникальным «полем сил», которое определяет поведение всех ее членов, часто вопреки их индивидуальным намерениям и желаниям⁶. Из этого фундаментального положения вытекает чрезвычайно важный практический вывод: изменить поведение отдельного человека, вырвать его из группы невозможно без изменения структуры и «поля сил» самой группы в целом. Именно поэтому все попытки бороться с «плохими лидерами» или наказывать отдельных членов деструктивных групп, как правило, оказываются неэффективными — группа как живая система самовосстанавливается, находя на место ушедшего лидера нового, а на место исключенного или наказанного члена — свежую жертву или нового рекрута.

Исследования групповой динамики, проводившиеся на протяжении десятилетий, показывают со всей очевидностью, что сплочение через общего врага является одним из самых мощных и эффективных механизмов внутригрупповой солидарности. Георг Зиммель, один из классиков социологии, еще в самом начале XX века сформулировал этот закон, отметив, что внешний конфликт неизменно усиливает внутреннюю сплоченность группы, и чем острее внешний конфликт, тем крепче становится внутреннее единство⁷.

Музафер Шериф, один из выдающихся социальных психологов XX века, в своих знаменитых полевых экспериментах «Робберс Кейв», где он изучал динамику межгруппового конфликта и сотрудничества среди мальчиков в летнем лагере, блестяще подтвердил этот тезис, продемонстрировав, как конкуренция между группами мгновенно порождает внутригрупповую солидарность, а совместная борьба против общей угрозы снижает внутреннюю враждебность⁸. Этот механизм работает с одинаковой эффективностью и в летнем лагере, и в уличной банде, и в корпоративном клане, и в радикальном политическом движении, и в любом другом сообществе, которое строит свою идентичность на противопоставлении «мы» и «они».

⁶ Левин, К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. И. Ю. Айхенвальда. — СПб.: Речь, 2000. — 408 с.

⁷ Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни / пер. с нем. А. Ф. Грязнова. — М.: Юрист, 1996. — 607 с.

⁸ Sherif M. The Robbers Cave Experiment: Intergroup Conflict and Cooperation / M. Sherif, O. J. Harvey, B. J. White, W. R. Hood, C. W. Sherif. — Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1961. — 212 p.

Особую и крайне важную роль в удержании человека в деструктивной группе играет дефицит эмпатии и навыков эмоциональной регуляции, которые должны были сформироваться в раннем детстве, но по разным причинам не сформировались. Дэниел Гоулман, популяризатор и исследователь концепции эмоционального интеллекта, собрал и систематизировал огромное количество эмпирических данных, убедительно показывающих, что способность распознавать, понимать, называть и адекватно управлять своими эмоциями и эмоциями других людей является ключевым фактором успешной социальной адаптации и психологического благополучия. *«С психологической точки зрения, — пишет Гоулман, — нет более важного навыка, чем умение не поддаваться первому импульсу, умение остановиться и сделать паузу между чувством и действием»*⁹ [С. 45]. Люди с низким уровнем эмоционального интеллекта, с неразвитой эмпатией и слабым самоосознанием оказываются заложниками собственных импульсивных реакций и потому значительно легче попадают в зависимость от манипуляторов и деструктивных групп, поскольку не могут распознать скрытую агрессию, противостоять групповому давлению и найти альтернативные способы удовлетворения своих потребностей.

Гоулман выделяет пять ключевых и взаимосвязанных компонентов эмоционального интеллекта:

- самоосознание (способность понимать и называть свои эмоции в режиме реального времени),

- управление эмоциями (способность регулировать свои эмоциональные состояния, не подавляя их),

- самомотивация (способность направлять эмоции на достижение значимых целей),

- эмпатия (способность распознавать и чувствовать эмоциональное состояние других людей)

- и социальные навыки (способность выстраивать и поддерживать здоровые межличностные отношения).

Именно глубокий дефицит этих фундаментальных способностей — в первую очередь, дефицит эмпатии и самоосознания — делает человека крайне уязвимым перед манипуляциями харизматичного лидера, перед мощным групповым давлением, перед иллюзией безопасности и защиты, которую так убедительно предлагает стая. Человек, который не понимает собственных чувств, не умеет отличить страх от волнения, боль от напряжения, гнев от отчаяния, становится легкой и беззащитной добычей для тех, кто обещает ему ясность, структуру и определенность в обмен на полное подчинение.

Говард Гарднер, создатель всемирно известной теории множественного интеллекта, совершил настоящую революцию в психологии образования и понимании человеческих способностей, убедительно доказав, что для успеха в жизни значительно более важное значение имеет межличностный интеллект (способность понимать других и взаимодействовать с ними), чем академические способности, измеряемые традиционными тестами на IQ¹⁰. Гарднер приводит поразительные данные: *«Многие люди с коэффициентом умственного развития на уровне 160 работают на тех, у кого коэффициент не превышает 100, если у первых низкий межличностный интеллект, а у вторых — высокий»* [С. 89]. И далее он делает вывод, который имеет прямое отношение к нашей теме: в повседневной жизни общества, продолжает он, *«... нет*

⁹ Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / пер. с англ. А. П. Исаевой. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. — 544 с.

¹⁰ Гарднер Г. Структура разума: теория множественного интеллекта / пер. с англ. С. А. Королева. — М.: Вильямс, 2007. — 512 с.

более высокого интеллекта, чем межличностный. И если вы им не обладаете, то не сумеете сделать надлежащий выбор и решить, за какую задачу взяться, и, добавим мы, за каким лидером пойти и какой группе довериться» [С. 90]. Именно дефицит межличностного интеллекта, по нашему глубокому убеждению, является одной из ключевых и недостаточно учитываемых причин, по которым люди оказываются в деструктивных группах и не могут найти из них выхода, даже когда осознают, что находятся в опасности.

Рене Гирвиц в своем фундаментальном исследовании феномена «козла отпущения», которое стало классикой социальной антропологии и психологии, показал, что группа, даже формально отказавшаяся от открытого насилия и принявшая внешне просоциальные нормы, может продолжать применять по отношению к инакомыслящим или просто к тем, кто не вписывается в новую групповую эйфорию, жестокие формы исключения, отвержения и подавления, при этом совершенно искренне не воспринимая эти действия как насилие¹¹.

Механизмы рационализации («мы делаем это для его же блага»), морального отстранения («он сам виноват», «он не разделяет наши ценности»), эвфемизации («мы просто перестали с ним общаться», «мы ему дали время подумать») позволяют группе сохранять благостный образ самих себя и своей трансформации, даже когда эта группа методично уничтожает тех, кто ставит под сомнение новую общую веру или просто не способен разделить общую эйфорию. Именно в этом заключается одна из самых сложных и коварных ловушек в работе с деструктивными группами: как отличить подлинное, глубокое изменение от поверхностной имитации, которая, по сути, является лишь новой, более изощренной формой старого насилия, просто сменившего свою мишень.

Альберт Бандура, один из величайших психологов XX века, создатель теории социального научения, посвятил значительную часть своих исследований механизмам усвоения и изменения агрессивного поведения. Он показал, что агрессивное поведение может быть усвоено через наблюдение и подражание моделям (так называемое «викарное научение») и точно так же может быть изменено через демонстрацию альтернативных, просоциальных моделей поведения¹². Однако Бандура делал крайне важное уточнение, которое часто игнорируется: простое наблюдение за альтернативным поведением, без активного вовлечения, без реальной практики и без позитивного подкрепления, не приводит к устойчивому изменению поведения, а остается лишь пассивным знанием, которое не влияет на реальные реакции в стрессовой ситуации. Именно поэтому трансформация деструктивной группы требует не просто наличия «хорошего примера» в лице альтернативного лидера или внешнего агента, а создания таких условий, в которых каждый член группы может активно и многократно попробовать новое поведение в безопасной среде, получить положительное подкрепление и, что особенно важно, заметить, что это новое поведение эффективнее удовлетворяет его потребности, чем старое, агрессивное.

Лев Выготский, создатель культурно-исторической теории развития психики, в своей знаменитой работе «Психология искусства» исследовал природу и механизмы катарсиса — того удивительного явления, когда сильное эмоциональное переживание, сопровождаемое разрядкой подавленного аффекта, приводит к фундаментальным изменениям в личности¹³. Катар-

¹¹ Girard R. The Scapegoat. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. — 224 p.

¹² Бандура А. Агрессия: социально-психологический анализ / пер. с англ. Ю. Брянцева. — М.: Эксмо-Пресс, 2001. — 640 с.

¹³ Выготский, Л. С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1968. — 576 с.

сис, по определению Выготского, представляет собой «... сложное превращение чувств, их разрешение в противоположных эмоциях» [С. 252].

В применении к групповой динамике это означает, что сильное коллективное эмоциональное переживание — совместный смех, который снимает защитные барьеры, или общее горе, которое делает всех равными, или катарсис как разрядка долго подавляемого напряжения — создает принципиально новые эмоциональные связи между членами группы, минуя рациональные барьеры, иерархические защиты и привычные паттерны взаимодействия. Именно этот механизм эмоциональной синхронизации, как будет показано далее, является ключевым в процессе трансформации деструктивных групп, позволяя создать ту самую «пустоту», в которую затем могут быть вписаны новые, просоциальные нормы.

Если агрессия, деструктивное поведение и устойчивая приверженность токсичным группам рождаются из фундаментального дефицита, из невыносимой боли, из хронической неудовлетворенности базовых экзистенциальных потребностей (в безопасности, в принадлежности, в признании, в смысле), то из того же самого источника появляется и надежда на изменение: эти же потребности можно удовлетворить иным, не разрушительным способом. Трансформация становится возможной не через борьбу с симптомами — наказание, подавление, изоляцию, угрозы, — а через предложение лучшей, более привлекательной альтернативы, которая дает человеку то же самое, чего ему так отчаянно не хватало, но без насилия, без страха, без унижения и без необходимости жертвовать своим достоинством.

Дональд Винникотт, развивая свою теорию объектных отношений, писал о том, что для исцеления глубокой травмы привязанности необходим особый опыт «удержания» (holding) — когда кто-то более сильный, мудрый и надежный выдерживает агрессивные импульсы человека, не разрушаясь под их напором, не отвечая агрессией на агрессию, не мстя и не бросая, а продолжая быть рядом и сохраняя свою целостность¹⁴.

Рональд Янов-Бульман, исследуя психологию травмы и процессы восстановления после травматических событий, ввел важнейшее понятие «крушения базовых убеждений» (shattered assumptions)¹⁵. Суть этой теории заключается в том, что каждый человек обладает тремя базовыми, фундаментальными убеждениями о мире: мир доброжелателен и безопасен, мир осмыслен и справедлив, а я сам — хороший и достойный человек.

Травма разрушает эти убеждения, и человек оказывается в состоянии глубокой дезориентации и отчаяния. У членов деструктивных групп эти базовые убеждения чаще всего уже разрушены или изначально не сформировались: они не верят, что мир может быть безопасным, что люди могут быть добрыми, что они сами чего-то стоят просто по факту своего существования. Трансформация группы, по сути, представляет собой восстановление этих разрушенных базовых убеждений через новый, повторяющийся социальный опыт, через проживание отношений, в которых есть уважение, принятие, безопасность и предсказуемость, но без насилия и унижения.

Виктор Франкл, создатель логотерапии — направления психотерапии, основанного на поиске смысла, — переживший ужасы концлагерей, сформулировал фундаментальный прин-

¹⁴ Винникотт Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

¹⁵ Janoff-Bulman R. Shattered Assumptions: Towards a New Psychology of Trauma. — New York: Free Press, 1992. — 256 p.

тип человеческой психики, который имеет прямое отношение к проблеме трансформации деструктивных групп. *«Человек способен вынести любое „как“, любые страдания и лишения, если у него есть достаточно сильное и значимое „зачем“, ради которого он готов терпеть»*, — писал он¹⁶ [С. 86]. В контексте трансформации деструктивной группы это фундаментальное положение означает, что члены группы смогут отказаться от старых, привычных, но разрушительных норм и правил только тогда, когда им будет предложена новая, более сильная и привлекательная идентичность, новое, более значимое «зачем», которое заменит старую идентичность, построенную на насилии, страхе и подчинении. Именно поэтому любая работа по трансформации деструктивной группы должна начинаться не с запретов и ограничений, а с предложения альтернативного смысла, альтернативной цели, альтернативного образа себя, которые были бы более привлекательными для членов группы, чем те, что у них есть.

В итоге, ответ на фундаментальный вопрос «почему люди остаются в плохих, деструктивных и опасных компаниях, отказываются от своей свободы, своего достоинства и часто даже своей безопасности» лежит в самых глубоких основах человеческой психики — в базовой, эволюционно закреплённой потребности быть частью целого и одновременно сохранять свою уникальную идентичность. Когда человек не научился быть собой без группы, когда его «я» ещё не сформировалось как автономная и устойчивая структура, он готов платить любую цену за принадлежность, за ощущение, что он не один, что он часть чего-то большего и значимого.

Но когда в процессе развития, воспитания или терапии он обретает способность быть собой, чувствовать себя ценным и значимым независимо от внешнего подтверждения, он получает возможность выбирать — с кем быть, кого слушать, как жить, куда двигаться. И именно в этом, а не в подавлении симптомов, заключается главная и важнейшая задача любой психологической, педагогической и социальной работы с деструктивными группами: не просто изменить внешние правила игры, наказать лидера или изолировать агрессора, а дать каждому участнику группы подлинный, глубокий и устойчивый опыт того, что он ценен сам по себе, без подчинения, без страха, без унижения, просто в силу факта своего существования.

Понимание этих сложных, многомерных и часто неочевидных механизмов — того, как страх превращается в инструмент управления, как хронический дефицит любви и принятия превращается в бессознательный поиск ее болезненных суррогатов, как слепое подражание харизматическому лидеру подменяет собой собственную, с таким трудом выстраиваемую идентичность, — является абсолютно необходимым и принципиально важным условием для любой эффективной практической работы с деструктивными группами.

Без этого глубокого понимания любые меры — будь то воспитательные, карательные, терапевтические или социальные — неизбежно останутся поверхностными, симптоматическими и, следовательно, неэффективными в долгосрочной перспективе, поскольку они будут бороться с внешними проявлениями, а не с глубинными внутренними причинами, которые порождают и воспроизводят эти проявления. Именно поэтому мы начинаем этот разговор с тщательного и детального анализа того, что на самом деле удерживает людей в стае, что делает их такими устойчивыми к внешнему воздействию и таким парадоксальным образом привязанными к тем, кто причиняет им боль.

Однако было бы серьёзной ошибкой полагать, что трансформация деструктивной группы — это линейный, однонаправленный и безвозвратный процесс, который, однажды начавшись,

¹⁶ Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. Д. А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.

уже не может остановиться или повернуть вспять. Как показывает и клиническая практика, и эмпирические исследования групповой динамики, процесс изменения всегда сопровождается колебаниями, рецидивами, возвратами к старым паттернам поведения, особенно в моменты стресса, кризиса или внешней угрозы.

Более того, группа, формально и даже искренне отказавшаяся от открытого физического насилия, может при этом сохранять внутреннюю, невидимую структуру подавления, страха и жесткой иерархии, просто маскируя ее под новые, внешне «просоциальные» нормы и ценности. Это сложное и опасное явление получило в социальной психологии название псевдотрансформации, и его коварство заключается в том, что оно создает убедительную иллюзорную картину глубоких изменений, за которой, при более внимательном рассмотрении, скрывается прежняя жестокость, просто принявшая более изощренные и менее очевидные для внешнего наблюдателя формы.

Механизм псевдотрансформации, как правило, работает через тонкое и трудноуловимое перераспределение агрессии — ее перенаправление с одних объектов на другие, при сохранении самой агрессивной структуры личности и группы. Агрессия может быть переадресована на внешнего врага (другую группу, государство, этническое меньшинство, идеологического противника), что даже приветствуется как проявление патриотизма и верности новым ценностям. Она может быть направлена на «козла отпущения» внутри самой группы — на того, кто недостаточно активно разделяет общую эйфорию от якобы произошедших изменений, кто сохраняет скепсис или просто не способен к эмоциональной синхронизации.

Или же она может быть обращена на тех, кто нарушает новые, внешне гуманные правила, причем наказание за нарушения может быть даже более жестоким и систематическим, чем старые наказания за нарушения старых правил. Как убедительно показал Рене Гирвиц в своих исследованиях феномена жертвоприношения и «козла отпущения», группа, утратившая возможность переадресовать свою агрессию вовне, почти неизбежно находит внутреннюю мишень, причем насилие над этой мишенью совершенно искренне не воспринимается членами группы как насилие, благодаря мощным бессознательным механизмам рационализации, морального отстранения и проекции¹⁷.

Именно поэтому диагностика подлинности трансформации становится одной из самых сложных и одновременно одной из самых важных задач в практической работе с деструктивными группами любого типа и масштаба. Как справедливо и точно отмечает Е. И. Головаха в своем исследовании социальной психологии групп, «внешне факт смены основной групповой деятельности или даже декларируемых ценностей создает убедительную, но часто обманчивую иллюзию принципиального психологического перерождения группы», однако при этом «... антигуманная, подавляющая и иерархическая сущность межличностных отношений в группе может оставаться неизменной, просто облекаясь в новые, более привлекательные формы»¹⁸ [С. 123]. Кардинальная, глубокая и устойчивая перестройка группы, по мнению Головахи, достижима лишь с опорой на многоплановую, разнообразную и вовлекающую совместную деятельность, которая позволяет постепенно разрушить устойчивое внутригрупповое неравенство и предоставляет реальную возможность практически каждому члену группы реализовать себя, проявить свою уникальность и получить признание без необходимости подавлять других.

¹⁷ Girard R. The Scapegoat. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. — 224 p.

¹⁸ Головаха, Е. И. Социальная психология группы / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. — Киев: Наукова думка, 1988. — 224 с.

Ключевым условием подлинной, а не иллюзорной трансформации деструктивной группы, по глубокому убеждению Дональда Винникотта, является способность внешнего агента — будь то психолог, педагог, социальный работник или просто мудрый и равнодушный человек — создать для группы особое психологическое пространство, которое Винникотт называл «контейнером» для агрессивных импульсов¹⁹.

Задача этого «контейнера» — выдержать мощный и разрушительный напор агрессии группы, не разрушиться под этим напором, не ответить агрессией на агрессию, не впасть в страх или панику, сохранить внутреннюю устойчивость и эмпатическое присутствие, и при этом последовательно и терпеливо предлагать группе альтернативные, не разрушительные способы выражения и удовлетворения тех же самых глубинных потребностей, которые она привыкла удовлетворять через насилие. Этот опыт «выдерживания» является фундаментальным, потому что он впервые позволяет членам группы пережить безопасное выражение агрессии, когда их гнев не уничтожил мир, не привел к ответной расправе, не разрушил отношения, а был принят и переработан в нечто иное.

Эмоциональная синхронизация, возникающая в момент общего сильного переживания — будь то неожиданный и заразительный совместный смех, который мгновенно снимает напряжение и разрушает иерархические барьеры, или общее переживание горя, которое на время уравнивает всех членов группы, или катарсис как мощная разрядка долго подавляемого напряжения, — становится тем удивительным и эффективным механизмом, который позволяет группе совершить качественный скачок от страха к доверию, от подчинения к сотрудничеству, от изоляции к подлинной близости.

Как показал Лев Выготский в своем анализе природы эстетического переживания, катарсис — это не просто механическая разрядка накопившегося напряжения, а «... сложное, диалектическое превращение одних чувств в другие, их разрешение в противоположных эмоциях, в результате чего происходит глубокая внутренняя перестройка личности»²⁰ [С. 252]. В контексте групповой динамики это означает, что общее эмоциональное переживание, пережитое всеми членами группы одновременно и синхронно, фундаментальным образом меняет структуру эмоциональных связей между ними, разрушая старые иерархические паттерны и создавая основу для принципиально новой, более горизонтальной и эгалитарной идентичности.

Однако крайне важно понимать, что сам по себе катарсис, каким бы мощным и глубоким он ни был, не производит автоматически новых устойчивых норм и новой просоциальной идентичности. Результатом он становится только тогда, когда этот мощный эмоциональный опыт осознается, вербализуется и закрепляется в сознании группы как фундаментальное основание для сознательного пересмотра старых правил и выработки новых, более гуманных и эффективных.

Этот сложный и многоступенчатый процесс включает в себя как минимум три взаимосвязанных компонента: во-первых, ритуализацию — группа начинает добровольно и регулярно воспроизводить те ситуации, которые вызвали эмоциональный подъем и катарсис, превращая их в устойчивую групповую традицию; во-вторых, вербализацию — в группе появляется новый язык для описания нового опыта, возникают новые слова и метафоры, позволяющие обсуж-

¹⁹ Винникотт Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

²⁰ Выготский, Л. С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1968. — 576 с.

дать и передавать новые нормы; и в-третьих, санкционирование — группа начинает самостоятельно и без внешнего принуждения наказывать нарушителей новых норм, причем это наказание может быть даже более жестким, чем раньше, но оно направлено против насилия, а не за него.

Ключевой и самый сложный вопрос на этой заключительной стадии трансформации — это вопрос об устойчивости достигнутых изменений. Будет ли новая идентичность держаться и воспроизводиться после того, как исчезнет или ослабит свое влияние внешний источник изменений (человек, идея или событие, которое запустило процесс)? Или группа, лишившись внешней поддержки, неизбежно вернется к исходному, более привычному и комфортному для нее деструктивному состоянию при первой же серьезной внешней угрозе или внутреннем кризисе? Как показывает обширная практика работы с группами, устойчивость новой идентичности напрямую зависит от того, насколько глубоко и органично произошла интернализация новых норм — насколько они стали «своими», внутренне принятыми и значимыми для каждого члена группы, а не просто внешним требованием, которое соблюдается под страхом наказания или в надежде на поощрение.

Глубокая, устойчивая и подлинная трансформация деструктивной группы становится возможной только тогда, когда члены группы перестают быть пассивными подражателями своего лидера или внешнего образца и начинают активно и самостоятельно вырабатывать свои собственные нормы, правила и ценности. Этот сложный и болезненный переход от гетерономной идентичности (то есть идентичности, полностью задаваемой извне, авторитетным образцом) к автономной идентичности (порождаемой внутренними, спонтанными процессами самой группы без постоянной опоры на внешний авторитет) является, пожалуй, самым сложным, критическим и судьбоносным этапом всего процесса трансформации. Как убедительно показывает теория социальной идентичности, разработанная Генри Тайфелом и Джоном Тернером, группа определяет и осознает себя прежде всего через сравнение с другими группами, через противопоставление «мы» и «они», и именно это сравнение является основным источником групповой самооценки и групповой идентичности²¹.

Переход группы к подлинной автономии требует, чтобы она пережила глубокий и мучительный кризис подражания — тот критический момент, когда старый образец для подражания (харизматический лидер, идеализированный герой, внешний авторитет) перестает быть достаточным и удовлетворительным для ответа на фундаментальный групповой вопрос «кто мы на самом деле, когда нас никто не контролирует и не направляет?». В этот переломный момент, который можно сравнить с подростковым кризисом идентичности на уровне целой группы, группа оказывается перед судьбоносным выбором: либо снова искать нового внешнего образца, нового «спасителя», нового вождя, что фактически означает воспроизведение старой гетерономной модели с новым лицом, либо сделать невероятное усилие и попытаться выработать свои собственные, автономные нормы и ценности. Именно этот выбор, сделанный группой в момент кризиса, определяет, произойдет ли подлинная трансформация или всего лишь очередная смена декораций.

Ключевым механизмом, который запускает и делает возможным переход группы к автономии, выступает совместное, добровольное и внутренне мотивированное действие, которое не было санкционировано или предписано сверху, от лидера или внешнего авторитета. Если

²¹ Тайфел Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения / Г. Тайфел, Дж. Тернер // Иностранная психология. — 1993. — Т. 1, №2. — С. 15—27

группа совершает какое-либо значимое действие, которое не было приказано, не было подражанием образцу и не было частью привычного ритуала, и если при этом это действие приводит к положительному, общезначимому результату — успеху, удовольствию, катарсису, — члены группы впервые в своей истории получают уникальный и бесценный опыт автономии, который можно сформулировать простыми словами: «Мы сделали это совершенно сами, без чьих-либо указаний и разрешений, и это сработало». Эмоциональная синхронизация, возникающая в момент успешного совместного действия, работает здесь как мощный закрепляющий механизм, связывая в сознании группы позитивные эмоции не с подражанием лидеру, а с собственной инициативой и коллективным творчеством.

Для успешного запуска этого механизма крайне важно, чтобы совместное действие было инициировано снизу, представителями низших слоев групповой иерархии или маргинальными членами, а не было спущено сверху в качестве хитроумного теста или провокации со стороны лидера. Как обоснованно отмечает Е. И. Головаха в своем исследовании групповой динамики, именно низкостатусные члены группы, которым меньше всего терять в существующей жесткой иерархии и которые уже привыкли к маргинальному положению, оказываются наиболее психологически готовыми к восприятию нового, к риску и к эксперименту, и именно они чаще всего становятся первыми, неосознанными проводниками альтернативных, автономных норм в группе²². Это парадоксальное, но многократно подтвержденное наблюдение имеет важнейшее практическое значение для психологов и социальных работников: работая с деструктивной группой, следует обращать особое внимание на ее маргинальных членов, создавать для них безопасное пространство для инициативы и поддерживать любые, даже самые робкие проявления автономного поведения.

Однако, признавая возможность трансформации, нельзя закрывать глаза на то, что существуют определенные группы и определенные условия, при которых этот процесс становится практически невозможным, по крайней мере, в обозримой перспективе и при имеющихся в распоряжении ресурсах.

Первый и главный блокирующий фактор — это глубокая, хроническая и разрушительная травма большинства членов группы. Если способность к эмпатии, к эмоциональному резонансу, к базовому доверию к другим людям разрушена настолько, что человек не может эмоционально синхронизироваться с другими (у него отсутствует реакция на чужую боль, она заменена агрессией или ледяным безразличием), то механизм эмоционального заражения и катарсиса просто не запускается.

Второй фактор — это высокая, экзистенциальная внешняя угроза: если группа сплочена против реального, смертельно опасного врага (другая банда, государство, этнический противник), то любое новое, незнакомое воспринимается как потенциальная угроза выживанию, и альтернативный центр будет уничтожен моментально, независимо от его характеристик.

Третий блокирующий фактор, который часто недооценивается психологами, — это прямая экономическая выгода, которую группа получает от насилия и агрессии. Если грабеж, рэкет, наркоторговля с устранением конкурентов, эксплуатация или другие формы криминального дохода являются основным или единственным источником существования группы, то отказ от насилия автоматически означает для нее экономическое самоубийство, голод и смерть.

²² Головаха Е. И. Социальная психология группы / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. — Киев: Наукова думка, 1988. — 224 с.

В такой ситуации рациональный экономический расчет перевешивает любые эмоциональные порывы и призывы к гуманизму, и трансформация становится невозможной без кардинального изменения внешних социально-экономических условий. В подобных случаях возможна лишь «псевдотрансформация» — имитация изменения, при которой группа сохраняет свою структуру и практики, но учится более искусно их скрывать от внешнего наблюдения. Такая псевдотрансформация, как правило, обнаруживает себя при первом же серьезном кризисе: старые, привычные паттерны агрессии и насилия возвращаются с новой, удвоенной силой, поскольку подавление только усилило их энергию.

В отличие от этой печальной картины, подлинная трансформация характеризуется тремя отличительными признаками, которые могут служить надежными диагностическими критериями для практикующих психологов.

Во-первых, в подлинно трансформированной группе нарушение новых просоциальных норм вызывает у большинства членов чувство искреннего сожаления, стыда и желания исправить содеянное (репарации), а не немедленную агрессивную реакцию, направленную на нарушителя.

Во-вторых, подлинная трансформация сопровождается заметным снижением враждебности не только к «своим», но и к «чужим» — у членов группы появляется способность к эмпатии по отношению к бывшим врагам или хотя бы к нейтральным аутсайдерам.

В-третьих, и это самый надежный критерий, в стрессовой, кризисной ситуации подлинно трансформированная группа пытается решить проблему через кооперацию, поиск компромисса и взаимную поддержку, а не через возврат к привычному насилию и подавлению слабых.

Эти три критерия позволяют относительно надежно отличить глубокое, устойчивое изменение от его поверхностной имитации.

Особого и пристального внимания заслуживает судьба группы в тот критический момент, когда внешний источник изменений — тот самый «альтернативный центр», который запустил процесс трансформации, — по каким-либо причинам исчезает, уходит или ослабляет свое влияние. Если новые нормы и ценности были по-настоящему интернализированы, глубоко прожиты и стали частью групповой идентичности, группа сохраняет их и без внешнего контроля, продолжая воспроизводить их в своей повседневной жизни. Если же изменения держались исключительно на страхе перед новым лидером, на его харизме или на внешней поддержке, то откат к исходному, привычному и комфортному деструктивному состоянию становится практически неизбежным, и происходит он, как правило, очень быстро, в течение нескольких недель или даже дней. Именно поэтому конечной и главной целью любой подлинной трансформации является не создание новой зависимости от нового, «хорошего» лидера, а формирование автономной, самоподдерживающейся способности группы к саморегуляции, саморефлексии и самостоятельной выработке норм.

Обобщая многолетний практический опыт психологов, педагогов и социальных работников, можно выделить несколько наиболее эффективных стратегий работы с деструктивными группами, которые, будучи примененными в комплексе, дают наилучшие результаты.

Во-первых, это создание безопасного и структурированного пространства, в котором члены группы могут выражать свою агрессию и свои страхи без страха ответного насилия.

Во-вторых, это последовательное и терпеливое предложение альтернативных, привлекательных способов удовлетворения базовых потребностей — через творчество, через спорт, через совместную значимую деятельность, через признание и уважение.

В-третьих, это постепенная, дозированная и поддерживаемая передача ответственности от внешнего агента самой группе, создание условий для автономных инициатив.

И в-четвертых, это постоянная, внимательная и честная диагностика признаков псевдо-трансформации, готовность признать неудачу и скорректировать стратегию, а не цепляться за иллюзию успеха.

Подводя итог сказанному выше можно заключить, что глубокое, системное и многомерное понимание сложных психологических механизмов, которые удерживают людей в деструктивных группах, и тех условий, которые делают возможной трансформацию этих групп в здоровые сообщества, является не просто академической, теоретической задачей, интересной только узкому кругу специалистов. Это насущная, неотложная и жизненно важная потребность всего современного общества, которое все больше сталкивается с ростом группового насилия, радикализации, экстремизма и социальной дезинтеграции.

За каждым членом деструктивной группы, за каждым агрессором и каждой жертвой стоит конкретный живой человек с его уникальной историей, с его глубокой травмой, с его неудовлетворенной и искаженной потребностью в любви, принятии, признании и безопасности. И задача психологов, педагогов, социальных работников и всего общества в целом — не просто изолировать, наказать или отвергнуть этих людей, а попытаться понять глубинные причины их страданий и помочь им найти иной, более здоровый и достойный путь к удовлетворению своих фундаментальных человеческих потребностей.

Именно этому сложному, многогранному и крайне важному разговору о том, как стая, рожденная из боли и отчаяния, может трансформироваться в сообщество, основанное на уважении, доверии и сотрудничестве, и посвящены последующие разделы данного сборника.

Феномен «стаи» как предмет исследования

Введение

Прежде чем перейти к анализу конкретных механизмов трансформации деструктивных групп, мы должны договориться о том, что именно мы изучаем и в каких понятиях будем вести наш разговор. Феномен «стаи» — это не просто метафора, заимствованная из этологии, и не просто публицистический ярлык для обозначения «плохой компании». Это сложное, многомерное и крайне точно схватывающее суть явления понятие, которое позволяет нам увидеть глубинное сходство между, казалось бы, совершенно разными типами человеческих сообществ: от уличной банды до токсичного рабочего коллектива, от подростковой группировки до радикальной секты.

Когда мы используем слово «стая», мы указываем на определенный тип групповой организации, характеризующийся жесткой иерархией, поддержанием порядка через страх и насилие, подавлением индивидуальности ради сохранения целостности группы и, что самое важное, особым типом идентичности, которая не вырабатывается изнутри, а задается извне — через подражание лидеру или внешнему образцу.

Понимание «стаи» как особого психологического феномена требует от нас выйти за рамки обыденных представлений о групповом насилии как о чем-то маргинальном и периферийном. Мы должны признать, что «стайные» механизмы — это не отклонение от нормы, а скорее одна из фундаментальных форм человеческой организации, которая актуализируется в условиях дефицита безопасности, нестабильности и неопределенности.

Как показал Курт Левин в своих классических исследованиях групповой динамики, структура группы и характер внутригрупповых отношений определяются не столько личностными качествами ее членов, сколько теми силами, которые действуют в «поле» группы, — и в условиях внешней угрозы или внутреннего хаоса эти силы почти неизбежно формируют иерархическую, авторитарную структуру²³. Именно поэтому мы находим «стайные» структуры в самых разных социальных контекстах: они возникают там, где люди чувствуют себя уязвимыми и ищут защиты в сильной, структурированной группе, даже если эта группа сама по себе является источником страха и насилия.

Ключевое отличие «стаи» от других типов групп, в частности от «сообщества», заключается в том, как в этих группах удовлетворяются базовые психологические потребности их членов. В «стае» потребность в безопасности удовлетворяется парадоксальным образом — через подчинение и готовность терпеть насилие, а потребность в принадлежности — через растворение в группе и отказ от собственной автономии.

Как отмечал Эрих Фромм в своей работе «Бегство от свободы», человек готов пожертвовать своей свободой и даже своим достоинством ради того, чтобы перестать чувствовать себя одиноким и покинутым²⁴. В отличие от этого, «сообщество» — это такой тип групповой организации, в котором потребности членов удовлетворяются без подавления их индивидуальности.

²³ Левин К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. И. Ю. Айхенвальда. — СПб.: Речь, 2000. — 408 с.

²⁴ Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. Лактионова. — М.: АСТ, 2017. — 288 с.

сти, через сотрудничество и взаимное уважение, а безопасность обеспечивается не страхом перед лидером, а доверием и надежностью отношений между всеми членами группы. Переход от «стаи» к «сообществу» — это, по сути, переход от одного способа удовлетворения базовых потребностей к другому, более зрелому и менее затратному для психики.

Важнейшим понятием, которое нам потребуется для анализа этого перехода, является **«гетерономная идентичность»** — термин, который мы заимствуем из философии и психологии развития для описания такого типа групповой самости, который полностью определяется извне. В гетерономной группе члены не имеют собственного внутреннего представления о том, кто они есть и что для них ценно: их идентичность задается лидером, внешним образцом или идеологией, которую группа принимает без критического осмысления. Этот тип идентичности характерен для «стаи» на начальных этапах ее существования: члены группы подражают лидеру, копируют его поведение и ценности, и именно в этом подражании, а не в совместной выработке норм, заключается основа их групповой сплоченности.

Как показывают исследования социальной идентичности Генри Тайфела и Джона Тернера, группы часто определяют себя через сравнение с другими группами и через усвоение внешних образцов, но именно в «стае» этот механизм достигает своей крайней формы, когда полностью подавляется способность группы к автономному самоопределению²⁵.

Противоположностью гетерономной идентичности является автономная идентичность — такой тип группового самоопределения, при котором нормы и ценности вырабатываются самой группой в процессе совместной деятельности и рефлексии. В автономной группе члены не просто следуют правилам, установленным извне, но активно участвуют в их создании и пересмотре, что делает эти правила по-настоящему «своими», интернализированными и устойчивыми даже при исчезновении внешнего контроля.

Переход от гетерономной к автономной идентичности — это, пожалуй, самый сложный и болезненный этап трансформации «стаи», поскольку он требует от членов группы не только изменения поведения, но и глубокой перестройки их самоощущения, отказа от привычной зависимости и принятия ответственности за собственную жизнь и жизнь группы. Как подчеркивал Дональд Винникотт, способность к автономии формируется только через опыт безопасного «удержания», когда человек может проявить свою агрессию и свою уникальность, не разрушая при этом отношения²⁶.

Еще одним ключевым понятием, которое пронизывает все наши дискуссии, является **«эмоциональная синхронизация»** — процесс, через который группа переходит от страха и напряженности к доверию и сотрудничеству. Эмоциональная синхронизация возникает в момент сильного коллективного переживания — общего смеха, совместного горя, катарсиса, — когда все члены группы одновременно испытывают одну и ту же эмоцию, и эта общность переживания создает новые, более глубокие связи между ними, минуя иерархические барьеры и защитные механизмы.

Как показал Лев Выготский в своей работе «Психология искусства», катарсис представляет собой «сложное превращение чувств, их разрешение в противоположных эмоциях», и

²⁵ Тайфел Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения / Г. Тайфел, Дж. Тернер // Иностранная психология. — 1993. — Т. 1, №2. — С. 15—27

²⁶ Винникотт Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

именно это превращение создает возможность для глубокой внутренней перестройки личности²⁷. В групповой динамике эмоциональная синхронизация выполняет функцию «размораживания» старых паттернов, делая группу восприимчивой к новым нормам и ценностям, которые затем могут быть закреплены через ритуализацию и вербализацию.

Однако было бы наивно полагать, что эмоциональная синхронизация сама по себе гарантирует подлинную трансформацию. Как показывает опыт работы с деструктивными группами, общее эмоциональное переживание может быть использовано не только для создания про-социальных связей, но и для усиления старых, деструктивных паттернов — например, через коллективную истерию, через общую ненависть к внешнему врагу или через манипулятивное использование катарсиса для укрепления зависимости от лидера.

Именно поэтому, вводя понятие эмоциональной синхронизации, мы должны сразу же оговорить его амбивалентность: это мощный инструмент, который может работать как на трансформацию, так и на еще более жесткую фиксацию деструктивных норм. Ключевым фактором, определяющим направление этого процесса, является наличие или отсутствие «альтернативного центра» — внешнего агента или идеи, которая предлагает группе иной, не деструктивный способ переживания и осмысления общего эмоционального опыта.

«Альтернативный центр» — это еще одно важнейшее понятие, которое вводится в нашу теоретическую рамку для описания условий запуска трансформации. Под альтернативным центром мы понимаем объект, идею или фигуру, которые обладают тремя ключевыми характеристиками: их нельзя запугать (они не реагируют на угрозы привычным страхом), их нельзя подкупить (они не обменивают свою позицию на статус или ресурсы) и их невозможно игнорировать (они предлагают нечто, что удовлетворяет депривированную потребность группы).

В отличие от лидера «стаи», который поддерживает свою власть через страх и насилие, альтернативный центр действует через привлекательность и способность предложить то, чего группе не хватает, но в безопасной и не разрушительной форме. Вхождение альтернативного центра в группу проходит через три фазы: агрессивное отторжение (попытка уничтожить или изгнать чужеродный элемент), недоверчивое наблюдение (когда первая агрессия не достигла цели, возникает любопытство) и селективное принятие (когда часть группы начинает присваивать элементы нового). Именно эти фазы определяют динамику трансформации и ее возможный исход.

Важным аспектом нашего теоретического анализа является различие двух типов агрессии, которое мы заимствуем у Эриха Фромма: доброкачественной (оборонительной) и злокачественной (деструктивной).

Доброкачественная агрессия — это биологически адаптивная реакция на угрозу, которая служит выживанию индивида и вида.

Злокачественная агрессия, напротив, не имеет биологической функции и является специфически человеческим феноменом, корнящимся в экзистенциальных потребностях и условиях существования²⁸.

²⁷ [Выготский, Л. С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1968. — 576 с.

²⁸ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова. — М.: АСТ, 2016. — 736 с.

В контексте «стаи» мы имеем дело именно со злокачественной агрессией, которая не является ответом на реальную внешнюю угрозу, а служит целям поддержания иерархии, уничтожения слабых и консолидации группы через общую враждебность. Понимание этого различия важно для нас, поскольку трансформация «стаи» возможна только тогда, когда злокачественная агрессия трансформируется либо в доброкачественную (то есть групповое насилие становится оборонительной реакцией на реальную угрозу), либо сублимируется в просоциальные формы активности, такие как творчество, спорт или совместная созидательная деятельность.

Сублимация — еще один ключевой механизм, который будет подробно рассматриваться в наших дискуссиях. Заимствованное из психоанализа, это понятие обозначает перенаправление энергии инстинктивных влечений (в первую очередь агрессивных и сексуальных) в социально приемлемые и культурно ценные формы деятельности. В применении к групповой динамике сублимация означает, что агрессивная энергия, которая ранее направлялась на насилие и подавление, может быть перенаправлена на созидание, творчество, интеллектуальный труд или спорт, сохраняя при этом свою интенсивность и страстность, но меняя объект и способ выражения.

Лев Выготский в своих работах о психологии искусства показал, что именно сублимация является механизмом, через который искусство воздействует на человека, позволяя ему пережить и трансформировать свои глубинные аффекты²⁹. Аналогично, в групповой трансформации сублимация позволяет членам «стаи» сохранить свою энергию и интенсивность, но направить ее в конструктивное русло, что делает новые нормы не менее привлекательными, чем старые, но гораздо менее разрушительными.

Однако, признавая возможность трансформации, мы должны четко определить границы исследовательского поля и осознать, что наша модель не является универсальной. Существуют группы и условия, в которых трансформация «стаи» в «сообщество» практически невозможна или, по крайней мере, крайне маловероятна. К таким группам относятся, в первую очередь, те, чьи члены находятся на глубокой стадии психологической деградации, с разрушенной способностью к эмпатии и эмоциональной синхронизации. Как показывают исследования травмы и посттравматического стрессового расстройства, хроническое насилие и депривация могут привести к состоянию, которое психологи называют «эмоциональным оскудением», когда человек теряет способность чувствовать и разделять чувства других, что делает эмоциональное заражение и катарсис невозможными. В таких случаях любые попытки трансформации наталкиваются на непреодолимое препятствие в виде фундаментальной неспособности членов группы к установлению новых эмоциональных связей.

Еще одним ограничением нашей модели является фактор экономической выгоды от насилия. Если деструктивная группа существует за счет криминальной деятельности — грабежей, рэкета, наркоторговли, эксплуатации, — то отказ от насилия означает для нее не просто смену идентичности, а экономическое самоубийство. В таких условиях рациональный расчет и страх голода и смерти перевешивают любые эмоциональные порывы и призывы к гуманизму, делая трансформацию невозможной без кардинального изменения внешних социально-экономических условий. Это важное ограничение, которое мы должны учитывать, чтобы не впадать в наивный оптимизм и не предлагать нереалистичных решений для групп, находящихся в условиях системного кризиса и бедности. Трансформация возможна только тогда, когда у

²⁹ Выготский, Л. С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1968. — 576 с.

группы есть реальная альтернатива насилию как способу выживания, и когда эта альтернатива предлагает не только психологическое, но и экономическое благополучие.

Третьим фактором, ограничивающим применимость нашей модели, является высокая внешняя угроза, которая может сделать любые внутренние изменения невозможными в силу чисто выживательной логики. Если группа находится в состоянии войны — реальной или символической — с внешним врагом, то любое новое, незнакомое воспринимается как потенциальная опасность для выживания группы. В таких условиях альтернативный центр будет уничтожен немедленно, независимо от его характеристик, поскольку любое отклонение от жесткой групповой солидарности расценивается как предательство.

Это наблюдение имеет важное значение для понимания того, почему некоторые группы, особенно находящиеся в условиях экстремальной внешней враждебности, оказываются неспособными к трансформации даже при наличии внутренних предпосылок для изменения. В таких случаях единственным реалистичным сценарием является не трансформация группы как целого, а постепенное изменение внешних условий, в которых она существует, что требует времени и системных изменений на уровне общества.

Важнейшим аспектом нашего теоретического подхода является различие подлинной трансформации и псевдотрансформации — явления, при котором группа имитирует изменение норм и ценностей, сохраняя при этом свою внутреннюю структуру насилия и подавления. Псевдотрансформация возникает тогда, когда группа под давлением внешних обстоятельств или в результате манипуляций альтернативного центра принимает новые, просоциальные нормы, но делает это не из внутреннего принятия, а из страха наказания или желания получить внешнее одобрение.

В таких случаях новые нормы остаются внешними, неинтернализированными, и при первом же кризисе — исчезновении внешнего контроля или появлении новой угрозы — группа мгновенно возвращается к старым деструктивным паттернам. Как отмечает Е. И. Головаха, *«... внешне факт смены основной групповой деятельности создает иллюзию принципиального психологического перерождения группы»*, однако при этом *«... антигуманная сущность межличностных отношений в группе остается неизменной»*³⁰ [С. 123].

Диагностика псевдотрансформации требует от нас разработки четких критериев, позволяющих отличить подлинное изменение от его имитации.

Таковыми критериями могут служить, во-первых, отношение группы к нарушителям новых норм: в подлинно трансформированной группе нарушение вызывает сожаление и попытку репарации, в псевдотрансформированной — немедленную агрессию и исключение.

Во-вторых, это отношение к внешним группам: подлинная трансформация сопровождается снижением враждебности и появлением эмпатии, псевдотрансформация сохраняет или усиливает враждебность к «чужим».

В-третьих, это устойчивость к стрессу: в кризисной ситуации подлинно трансформированная группа пытается решить проблему через кооперацию, псевдотрансформированная мгновенно возвращается к насилию.

Эти критерии, будучи примененными в комплексе, позволяют достаточно надежно диагностировать характер трансформации и избежать иллюзий там, где изменения носят лишь поверхностный характер.

³⁰ Головаха, Е. И. Социальная психология группы / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. — Киев: Наукова думка, 1988. — 224 с.

Важно также понимать, что трансформация «стаи» — это не линейный, а циклический процесс, в котором периоды прогресса сменяются рецидивами, и возврат к старым паттернам не обязательно означает крах всей трансформации. Как показывают исследования психологии изменений, истинная трансформация всегда сопровождается колебаниями, сомнениями и временными откатами, которые являются не признаком неудачи, а нормальной частью процесса перестройки идентичности. Именно поэтому мы должны быть готовы к тому, что группа, вставшая на путь трансформации, будет переживать кризисы, и наша задача — не предотвратить эти кризисы, а помочь группе пройти через них, сохраняя новые нормы и ценности даже в моменты стресса и неопределенности. Это требует от внешнего агента или психолога не только профессиональных знаний, но и терпения, выдержки и способности выдерживать агрессию, не отвечая на нее агрессией.

В этом контексте особое значение приобретает понятие «контейнера», введенное Дональдом Винникоттом для описания способности матери (или другого значимого взрослого) выдерживать интенсивные эмоциональные состояния ребенка, не разрушаясь под их напором и не отвечая на них встречной агрессией³¹. В применении к групповой динамике «контейнер» — это способность внешнего агента создать безопасное пространство, в котором группа может выражать свои агрессивные импульсы, не боясь разрушения отношений, и постепенно учиться новым, более конструктивным способам их выражения. Этот опыт «выдерживания» является фундаментальным для трансформации, потому что он впервые позволяет членам группы пережить безопасное выражение агрессии и обнаружить, что мир не рухнул, а отношения сохранились и даже укрепились.

Еще одной важной теоретической рамкой, которую мы используем в наших рассуждениях, является понятие «катарсиса», развитое Львом Выготским в его анализе психологического воздействия искусства. Катарсис, по Выготскому, — это не просто разрядка подавленных эмоций, а их «... сложное превращение, их разрешение в противоположных эмоциях...», которое приводит к глубокой внутренней перестройке личности³² [С. 252]. В групповой динамике катарсис выполняет функцию «размораживания» старых защитных механизмов, создавая состояние «пустоты», в котором старые нормы больше не работают, а новые еще не сформировались, и именно в этом состоянии группа становится наиболее чувствительной к предложению новых смыслов и ценностей. Однако, как мы уже отмечали, катарсис сам по себе не гарантирует трансформации: он может быть использован как для создания новых просоциальных связей, так и для еще более жесткой фиксации деструктивных паттернов.

В конечном счете, наша теоретическая рамка строится на предположении, что трансформация «стаи» в «сообщество» возможна, но требует соблюдения целого ряда условий, каждое из которых является необходимым, но не достаточным для устойчивого изменения. К таким условиям относятся: наличие альтернативного центра, способного предложить группе иной способ удовлетворения ее потребностей; создание безопасного «контейнера» для выражения агрессии; активация механизма эмоциональной синхронизации через совместное переживание; постепенная передача ответственности от внешнего агента самой группе; формирование автономной идентичности через совместное действие и рефлексия; и, наконец, постоянная диагностика признаков псевдотрансформации, позволяющая отличать подлинное изменение

³¹ Винникотт, Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

³² Выготский, Л. С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1968. — 576 с.

от его имитации. Отсутствие любого из этих условий делает трансформацию либо невозможной, либо неустойчивой и склонной к рецидивам.

Мы отдаем себе отчет в том, что предлагаемая модель является идеализацией и что в реальной практике трансформация редко протекает так гладко и последовательно, как это описано в теоретической схеме. Однако мы убеждены, что именно такая идеализированная модель, четко определяющая условия и механизмы трансформации, позволяет нам лучше понимать реальные процессы, происходящие в деструктивных группах, и разрабатывать более эффективные стратегии работы с ними.

Как говорил Курт Левин, «... *нет ничего более практичного, чем хорошая теория...*», и мы надеемся, что наша теоретическая рамка станет тем инструментом, который поможет психологам, педагогам и социальным работникам не только понимать природу группового насилия, но и находить реальные пути его трансформации³³ [С. 15]. Именно с этими целями мы приступаем к нашему исследованию, в котором последовательно разберем структурные, мотивационные, идентификационные и диагностические аспекты трансформации «стаи» в «сообщество», опираясь на классические и современные теоретические подходы.

³³ Левин, К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. И. Ю. Айхенвальда. — СПб.: Речь, 2000. — 408 с.

Анатомия деструктивной группы: структурно-функциональный анализ

Автор: к. т. н. Александр Евгеньевич Капитонов

УДК: 316.6

ББК: 88.5

Аннотация

В статье предлагается типология антисоциальных групп (уличные банды, тюремные сообщества, деструктивные культы, экстремистские организации) через призму их внутренней структуры, механизмов поддержания иерархии и способов социализации новых членов. Выделяются общие признаки «стаи» как особого состояния группы.

Ключевые слова: деструктивная группа, стая, иерархия, антисоциальные нормы, групповая динамика, ритуалы инициации, социальная идентичность, лидерство.

В социальной психологии накоплен значительный массив исследований, посвященных анализу групповой динамики в просоциальных сообществах — трудовых коллективах, учебных группах, добровольных ассоциациях. Однако деструктивные группы — уличные банды, тюремные сообщества, деструктивные культы, экстремистские организации — долгое время оставались на периферии академического интереса, рассматриваясь преимущественно в рамках криминологии или психиатрии. Этот методологический разрыв привел к тому, что психологические механизмы, лежащие в основе формирования и устойчивости таких групп, оказались недостаточно изученными в их системной взаимосвязи.

Как отмечает Е. И. Головаха, «... социально-психологический анализ деструктивных групп требует выхода за рамки традиционных криминологических подходов и обращения к фундаментальным закономерностям групповой динамики»³⁴ [С. 7]. Системный подход к анализу деструктивных групп позволяет рассматривать их не как случайное скопление маргинальных личностей, а как устойчивые, самовоспроизводящиеся системы, подчиняющиеся тем же законам групповой динамики, что и просоциальные сообщества, но с существенными искажениями в сторону гипертрофированной иерархичности и насилия как основного регулятора внутргрупповых отношений.

Из этого вытекает важнейший практический вывод, имеющий значение для психологов, педагогов, социальных работников и сотрудников пенитенциарной системы: понимание структурных и функциональных особенностей «стаи» является необходимым условием для разработки эффективных стратегий ее трансформации в просоциальное сообщество. Курт Левин, один из основоположников социальной психологии, в своей классической работе о групповой динамике подчеркивал, что «... нет ничего более практичного, чем хорошая теория»³⁵ [С. 15]. Без глубокого теоретического анализа того, как устроена деструктивная группа, какие механизмы ее удерживают и воспроизводят, любые практические интервенции будут оставаться поверхностными и, следовательно, обреченными на неудачу. Именно поэтому мы начинаем

³⁴ Головаха Е. И. Социальная психология группы / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. — Киев: Наукова думка, 1988. — 224 с.

³⁵ Левин К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. И. Ю. Айхенвальда. — СПб.: Речь, 2000. — 408 с.

наш анализ с самого фундамента — с анатомии той системы, которую нам предстоит понять и, возможно, трансформировать.

Для целей настоящего анализа под **деструктивной группой** понимается **устойчивое социальное объединение, в котором внутригрупповые отношения строятся на основе подавления индивидуальности членов, жесткой иерархии, страха и насилия, а групповые нормы противоречат общепринятым моральным и правовым стандартам, принятым в данном обществе.**

Важно отличать деструктивную группу от асоциальной или криминальной группы в узком смысле слова: деструктивность в данном контексте относится не только и не столько к противоправным действиям, сколько к качеству внутригрупповых отношений, которые систематически травмируют членов группы, разрушают их личностный потенциал и подавляют способность к автономному существованию. Как пишет Д. В. Винникотт, «... деструктивность в отношениях — это не всегда внешнее проявление зла, но часто искаженная форма поиска контакта, в которой человек пытается установить связь через разрушение, потому что не знает иных способов»³⁶ [С. 112]. Именно это различие — между внешним противоправным поведением и внутренней деструктивностью отношений — является ключевым для психологического анализа.

Ключевые характеристики деструктивной группы могут быть сведены к нескольким взаимосвязанным признакам, каждый из которых усиливает другие и создает эффект системной устойчивости.

Во-первых, это жесткая иерархия, основанная на доминировании и подчинении, где место каждого члена группы определяется его способностью навязывать волю нижестоящим и терпеть волю вышестоящих, причем эта иерархия не является фиксированной и требует постоянного подтверждения через акты насилия или унижения.

Во-вторых, это власть, удерживаемая через страх и периодическую демонстрацию силы, что создает хроническое состояние гипербдительности у всех членов группы и делает их зависимыми от постоянного подтверждения своей лояльности.

В-третьих, это система ритуалов унижения и инициации, выполняющих функцию социальной склейки: общее переживание стыда и страха парадоксальным образом усиливает сплоченность и создает травматическую связь между членами группы.

В-четвертых, это искаженная идентичность, построенная на подражании лидеру и противопоставлении «мы» — «они», которая делает членов группы зависимыми от внешнего образца и блокирует способность к автономному самоопределению.

Эти характеристики не являются изолированными — они образуют систему, в которой каждый элемент поддерживает и усиливает другие. Иерархия поддерживается через страх, страх поддерживается через ритуалы унижения, ритуалы унижения формируют искаженную идентичность, а искаженная идентичность делает человека зависимым от иерархии. Как отмечает Э. Фромм, «... чувство принадлежности к группе, даже деструктивной, дает человеку иллюзию силы и защищенности, которую он не может обрести в одиночестве, и именно эта иллюзия удерживает его в системе, которая его разрушает»³⁷ [С. 56]. Системный характер этих связей объясняет, почему деструктивные группы оказываются такими устойчивыми и

³⁶ Винникотт Д. В. Игра и реальность / Д. В. Винникотт; пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

³⁷ Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. Лактионова. — М.: АСТ, 2017. — 288 с.

почему простые меры — изоляция лидера, наказание отдельных членов, запрет деятельности — часто не дают долгосрочного эффекта.

Деструктивные группы многообразны, и их типология требует учета множества параметров: целей деятельности, способов социализации новых членов, характера внутrigрупповых отношений, отношения к внешнему миру, идеологического обоснования насилия. Условно можно выделить четыре основных типа деструктивных групп, каждый из которых обладает своей спецификой, но при этом обнаруживает общие структурные закономерности, позволяющие говорить о едином феномене «стаи».

Первый тип — уличные банды и криминальные группировки, формирующиеся преимущественно в маргинализованной городской среде на основе территориальной или этнической принадлежности. Их деятельность направлена на контроль территории, извлечение экономической выгоды через криминальные практики и поддержание статуса через насилие. Как показывают исследования уличных банд, их внутренняя структура воспроизводит архаичные формы племенной организации с четким разделением на «старейшин», «воинов» и «новичков», причем статус каждого определяется не столько личными качествами, сколько способностью применять и терпеть насилие³⁸.

Второй тип — тюремные сообщества, которые возникают в условиях принудительной изоляции и характеризуются наиболее жесткой иерархией и наиболее жестокими ритуалами унижения. Здесь структура строится вокруг противопоставления «своих» и «врагов», а поддержание порядка осуществляется через постоянную демонстрацию силы и готовности к насилию. Тюремные сообщества интересны тем, что их деструктивность является в значительной степени вынужденной — она возникает как адаптация к экстремальным условиям среды, где отсутствие четкой структуры означало бы хаос и еще большее насилие. Однако эта адаптация имеет свою цену: она консервирует и воспроизводит деструктивные паттерны даже тогда, когда внешние условия меняются. Как отмечает Ф. М. Кон, «... условия изоляции провоцируют архаизацию социальных отношений, возврат к примитивным формам групповой организации, в которых выживание становится главной и единственной ценностью»³⁹ [С. 112].

Третий тип — деструктивные культы и секты, которые используют механизмы психологического контроля для подчинения членов группы харизматическому лидеру. В отличие от уличных банд или тюремных сообществ, деструктивные культы внешне могут выглядеть про-социальными — они могут проповедовать любовь, мир, духовное развитие, заботу о ближнем. Однако их внутренняя структура опирается на те же механизмы: жесткую иерархию, тотальный контроль над сознанием, подавление критического мышления, изоляцию от внешнего мира, страх изгнания. Как писал Р. Лифтон в своем исследовании психологии тоталитарных групп, «... тоталитарное сознание формируется там, где член группы лишается права на собственное мнение и заменяет его мнением лидера, а любое сомнение рассматривается как предательство»⁴⁰ [pp. 67]. Именно эта внешняя про-социальная оболочка делает культы особенно опасными — они привлекают людей, ищущих смысл и духовность, и постепенно, шаг за шагом, лишают их способности к самостоятельному мышлению и выбору.

³⁸ Sherif M. The Robbers Cave Experiment: Intergroup Conflict and Cooperation / M. Sherif, O. J. Harvey, B. J. White, W. R. Hood, C. W. Sherif. — Middletown, CT: Wesleyan University Press, 1961. — 212 p.

³⁹ Кон Ф. М. Социальная психология мест лишения свободы. — М.: Юридическая литература, 1991. — 320 с.

⁴⁰ Lifton, R.J. Thought Reform and the Psychology of Totalism: A Study of «Brainwashing» in China. — New York: W.W. Norton, 1961. — 524 p.

Четвертый тип — экстремистские политические и религиозные организации, использующие разработанную идеологию для обоснования насилия. Их особенностью является наличие детально проработанной доктрины, которая дает моральное оправдание агрессии и создает мощную групповую идентичность на основе противопоставления «своих» (избранных, праведных, носителей истины) и «чужих» (врагов, неверных, пособников системы). Идеология в таких группах выполняет функцию психологической защиты: она освобождает членов группы от чувства вины за совершаемое насилие и создает ощущение морального превосходства. Как отмечает У. Бек, *«... в обществах риска экстремистские идеологии предлагают простые ответы на сложные вопросы, что делает их привлекательными для людей, испытывающих тревогу и неуверенность перед лицом глобальных изменений»*⁴¹ [С. 78]. Идеология становится тем «клеем», который удерживает группу даже тогда, когда непосредственная угроза исчезает.

Общим для всех типов деструктивных групп является наличие жесткой иерархической структуры, которая обеспечивает устойчивость системы и воспроизводит архаичные модели социальной организации, характерные для ранних этапов человеческой эволюции. Иерархия в деструктивной группе выполняет несколько ключевых функций, без которых группа не могла бы существовать.

Во-первых, она создает предсказуемость взаимодействий — в условиях хаоса и неопределенности четкая структура дает членам группы ощущение контроля и понимание того, что от них ожидают.

Во-вторых, она распределяет ресурсы и определяет доступ к привилегиям, создавая систему мотивации для тех, кто стремится подняться выше.

В-третьих, она определяет статус и обязанности членов, давая каждому четкое место в системе. И, что самое важное, иерархия служит психологической защитой от внешнего мира — она создает иллюзию порядка и защищенности, которая компенсирует реальное насилие, переживаемое внутри группы.

Как пишет В. Н. Дружинин, *«... иерархия в группе является не только формой организации, но и способом снижения тревоги перед лицом неопределенности, поскольку дает человеку четкое понимание своего места и своей роли»*⁴² [С. 145].

На вершине иерархии находится лидер, который занимает позицию самого агрессивного или харизматичного члена группы, способного навязать свою волю остальным и внушить им страх или преданность. Однако власть лидера не абсолютна — она требует постоянного подтверждения через акты насилия или унижения других членов группы. Любое проявление слабости со стороны лидера ставит под сомнение его право на власть и может привести к его смещению, изгнанию или даже убийству. Эта нестабильность на вершине иерархии создает постоянное напряжение, которое, однако, не ослабляет, а укрепляет группу, поскольку поддерживает всех членов в состоянии гипербдительности и постоянной готовности доказывать свою лояльность. Как отмечает Н. М. Калина в своем исследовании тюремных сообществ, *«... власть в криминальных сообществах держится не на легитимности и не на формальных процедурах, а на постоянной готовности применять насилие и доказывать свое превосходство, и именно эта постоянная готовность создает ту атмосферу страха, которая удерживает систему в равновесии»*⁴³ [С. 89].

⁴¹ Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.

⁴² Дружинин, В. Н. Психология групп. — СПб.: Питер, 2001. — 320 с.

⁴³ Калина Н. М. Тюремная субкультура: структура и динамика. — М.: Юрист, 2003. — 280 с.

Средний слой иерархии составляют рядовые члены группы, которые уже прошли инициацию и доказали свою лояльность, но еще не достигли высших позиций в иерархической структуре. Их задача — исполнять приказы лидера и контролировать новичков, транслируя им групповые нормы и ценности и наказывая за их нарушение. Для этого слоя характерна двойная идентичность, которая создает сложную и противоречивую психологическую динамику: с одной стороны, они сами являются жертвами насилия со стороны лидера и вышестоящих, с другой — они выступают как исполнители насилия по отношению к нижестоящим.

Этот двойственный статус порождает когнитивный диссонанс, который разрешается через принятие групповой идеологии и оправдание насилия как «необходимой меры». Как описывает С. Милгрэм в своем знаменитом исследовании подчинения авторитету, «... человек способен на действия, противоречащие его моральным принципам, если эти действия санкционированы легитимной властью, и он перекладывает ответственность за свои поступки на эту власть»⁴⁴ [С. 234]. Именно этот механизм перекладывания ответственности позволяет рядовым членам деструктивных групп сохранять позитивный образ себя, даже совершая жестокие действия.

Нижний слой иерархии — новички и маргиналы, которые не имеют практически никаких прав и выступают объектами унижений и насилия со стороны всех остальных членов группы. Их положение парадоксально: именно они являются главной мишенью групповой агрессии, но при этом именно они стремятся удержаться в группе, поскольку изгнание из стаи для них равносильно социальной смерти, возвращению в то состояние одиночества и отверженности, из которого они пришли в группу.

Механизм «козла отпущения» — когда вся групповая агрессия концентрируется на самом слабом члене, «чужаке» внутри группы, — выполняет важную системную функцию: он позволяет другим членам группы отреагировать свои негативные эмоции, выплеснуть накопившуюся агрессию и тем самым сохранять видимость внутренней стабильности и единства. Как отмечает Р. Гирвиц в своем исследовании феномена жертвоприношения, «... группа, не имеющая возможности переадресовать агрессию вовне, находит внутреннюю мишень, и насилие над этой мишенью становится условием внутреннего мира для остальных, позволяя им сохранять иллюзию собственной праведности»⁴⁵ [рр. 34].

Устойчивость деструктивной группы обеспечивается несколькими механизмами, работающими одновременно и взаимно усиливающими друг друга. Эти механизмы создают «психологическую экономику членства» — систему неявных расчетов, в которой страдания и жертвы, переносимые членами группы, оказываются приемлемой платой за иллюзорные выгоды принадлежности.

Первый механизм — ритуалы унижения и инициации. Любой новый член группы должен пройти через испытания, которые могут быть физически и психологически травмирующими: избиения, унижения, публичные издевательства, принуждение к нарушениям закона, отказ от прежних связей и ценностей. Эти ритуалы выполняют двойную функцию. С одной стороны, они служат фильтром, отсеивающим тех, кто не готов терпеть страдания ради принадлежности, и тем самым обеспечивают однородность группы. С другой стороны, они создают травматическую связь: общее переживание стыда, страха и боли парадоксальным образом уси-

⁴⁴ Милгрэм С. Эксперимент в социальной психологии / пер. с англ. М. А. Яковлева. — СПб.: Питер, 2000. — 336 с.

⁴⁵ Girard R. The Scapegoat / trans. by Y. Freccero. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. — 224 p.

ливаает сплоченность группы и формирует у членов группы чувство «особой судьбы». Как отмечал Э. Фромм, «... *совместно пережитая травма создает более прочную связь, чем совместно пережитая радость, потому что травма напоминает о том, что никто извне не придет на помощь и рассчитывать можно только на своих, на тех, кто прошел через то же самое*»⁴⁶ [С. 298].

Второй механизм — система запретов и наказаний, которая пронизывает все аспекты жизни группы. В деструктивной группе действует огромное количество правил, большая часть которых прямо не сформулирована и не записана, но их нарушение влечет за собой суровые наказания, вплоть до изгнания или физической расправы. Эта система создает эффект тотального контроля: любой член группы всегда находится под подозрением, всегда может быть обвинен в нарушении и наказан, и никто не может чувствовать себя в безопасности. Такая неопределенность парадоксальным образом удерживает людей в группе — они постоянно заняты тем, чтобы «не попасться», соблюдать негласные правила и демонстрировать лояльность, и это не дает им времени и психических ресурсов на рефлексии и критическое осмысление своего положения. Как пишет А. В. Брушлинский, «*Постоянный страх наказания — это наиболее эффективный способ блокирования критического мышления и формирования конформного поведения, поскольку он активизирует самые древние, архаичные механизмы психики, связанные с выживанием*»⁴⁷ [С. 287].

Третий механизм — создание образа внешнего врага. Деструктивная группа всегда строится на жестком противопоставлении «мы» — «они», где «они» (внешний мир, другие группы, государство, общество, иные этнические или религиозные группы) представляются враждебными и смертельно опасными. Этот образ внешнего врага выполняет ключевую функцию сплочения: перед лицом общей угрозы все внутренние разногласия отступают на второй план, а лояльность группе становится безусловной. Как показал Г. Зиммель в своем классическом социологическом анализе, «... *конфликт с внешней группой повышает внутреннюю сплоченность и укрепляет границы группы, делая ее более устойчивой к внешним воздействиям*»⁴⁸ [С. 220]. При этом важно, что образ врага не обязательно имеет реальное основание — он конструируется лидером, поддерживается групповой пропагандой и становится самоисполняющимся пророчеством, поскольку враждебное поведение группы по отношению к внешнему миру действительно вызывает ответную враждебность.

Четвертый механизм — эмоциональная зависимость от лидера, которая является, возможно, самым мощным фактором, удерживающим человека в деструктивной группе. В деструктивной группе лидер становится не просто «руководителем» или «начальником», а «отцом», «матерью», «спасителем», «судьей», «единственным источником истины». Члены группы проецируют на лидера свои детские ожидания, наделяя его всемогуществом и непогрешимостью, и именно эта проекция создает мощную эмоциональную привязанность, которую невозможно разрушить рациональными аргументами. Как пишет Д. В. Винникотт, «... *ребенок нуждается в родителе как в контейнере для своих проекций, и взрослый человек в кризисной ситуации ищет аналогичный контейнер в лидере группы, который берет на себя функцию держателя этих проекций*»⁴⁹ [С. 115]. Именно эта эмоциональная зависимость делает членов группы уязвимыми для манипуляций и неспособными к критической оценке действий лидера.

⁴⁶ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова. — М.: АСТ, 2016. — 736 с.

⁴⁷ Брушлинский А. В. Психология субъекта. — СПб.: Алетейя, 2001. — 416 с.

⁴⁸ Зиммель Г. Избранное. Том 2. Созерцание жизни / пер. с нем. А. Ф. Грязнова. — М.: Юрист, 1996. — 607 с.

⁴⁹ Винникотт, Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

Процесс вхождения в деструктивную группу представляет собой сложную систему этапов, каждый из которых меняет психологию человека и формирует его новую идентичность, все более зависимую от группы. Этот процесс является ключевым для понимания устойчивости деструктивных групп, поскольку именно через него воспроизводится система ценностей и норм, и именно через него группа обновляет свой состав, компенсируя естественную убыль членов.

На первом этапе происходит поиск и вербовка. Деструктивные группы активно ищут потенциальных членов среди людей, переживающих кризис, одиночество, утрату смысла, потерю близких, — то есть среди тех, чьи психологические барьеры ослаблены и кто остро нуждается во внешней опоре и поддержке. Как отмечает Э. Фромм, «... человек в состоянии неопределенности и экзистенциальной тревоги становится уязвимым для любых идей, предлагающих четкие ответы и простые решения, и именно в этом состоянии он наиболее восприимчив к вербовке в деструктивные группы»⁵⁰ [С. 167]. Лидеры и вербовщики деструктивных групп умеют распознавать таких людей и воздействовать на их уязвимые точки, предлагая им то, чего им не хватает: внимание, признание, чувство принадлежности, структуру, смысл.

На втором этапе происходит «бомбардировка любовью» — кандидата окружают избыточным вниманием, заботой, признанием, создавая атмосферу тепла и принятия, которая резко контрастирует с его предыдущим опытом одиночества и отверженности. Это создает мощную эмоциональную привязанность и формирует у человека иллюзию, что он нашел наконец «своих», что здесь его принимают и любят безусловно, что здесь он может быть собой. Как пишет Р. Лифтон, «Любовная бомбардировка — это ключевой инструмент вербовки в деструктивные группы, и ее целью является создание эмоциональной зависимости, которая впоследствии будет использована для тотального контроля над сознанием и поведением человека»⁵¹ [pp. 89]. В этот период критическое мышление кандидата притупляется, и он перестает задавать вопросы, которые могли бы его насторожить.

На третьем этапе происходит инициация — после того как эмоциональная привязанность сформирована и человек уже не мыслит себя вне группы, кандидата подвергают испытаниям, которые могут включать физическое насилие, публичное унижение, принуждение к нарушению собственных моральных принципов, разрыв с семьей и друзьями. Это создает «связующую травму»: человек, прошедший через тяжелые испытания, становится более лояльным к группе, потому что не может признать, что страдал зря и что все эти жертвы были бессмысленны. Механизм работает по принципу когнитивного диссонанса: «Я прошел через это, я вынес такие страдания, значит, это было не зря, значит, эта группа ценна и важна, а значит, я должен оставаться в ней и защищать ее». Как отмечает Л. Фестингер в своей теории когнитивного диссонанса, «... если человек вложил в что-то значительные усилия или пережил страдания, ему трудно признать, что это было бессмысленно, и он будет искать способы оправдать свои вложения»⁵² [Р. 78].

На четвертом этапе происходит формирование новой идентичности. Человек принимает групповые нормы, групповую символику, групповой язык, групповую одежду, групповые

⁵⁰ Фромм, Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. Лактионова. — М.: АСТ, 2017. — 288 с.

⁵¹ Lifton R. J. Thought Reform and the Psychology of Totalism: A Study of «Brainwashing» in China. — New York: W.W. Norton, 1961. — 524 p.

⁵² Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. — Stanford, CA: Stanford University Press, 1957. — 291 p.

ритуалы. Он перестает быть «самим собой» в том смысле, в котором он понимал себя до вступления в группу, и становится «членом группы», растворяя свою индивидуальность в коллективном целом. Этот процесс включает в себя не только внешние изменения, но и глубинную внутреннюю перестройку: старые ценности, убеждения, социальные связи обесцениваются и отвергаются, а новые принимаются как единственно верные и истинные. Как пишет Г. Тайфел и Дж. Тернер в своей теории социальной идентичности, «... групповая идентичность формируется через процесс социального сравнения и категоризации, когда член группы определяет себя через противопоставление „мы“ и „они“, и это противопоставление становится основой его самооценки»⁵³ [С. 22]. Именно на этом этапе человек становится полноценным членом деструктивной группы, готовым действовать в ее интересах и защищать ее от внешних угроз.

Термин «стая» применительно к деструктивным группам подчеркивает их качественное отличие от других форм социальной организации и указывает на особое состояние группы, в котором она функционирует. В состоянии «стаи» группа утрачивает способность к внутренней дифференциации и рефлексии, превращаясь в единый реагирующий организм, поведение которого определяется не рациональным расчетом и не индивидуальными интересами членов, а архаичными, до-рациональными механизмами, унаследованными от эволюционного прошлого. Как пишет К. Г. Юнг, «... когда человек попадает в толпу, он опускается до уровня животного, теряет свою индивидуальность, свою способность к критическому мышлению и становится частью стадного существа, которым управляют коллективные инстинкты»⁵⁴ [С. 45]. Это состояние характеризуется рядом специфических признаков, которые отличают «стаю» от здоровых социальных групп.

В состоянии «стаи» группа демонстрирует ряд характерных признаков, которые взаимно усиливают друг друга и создают замкнутый круг деструктивности.

Во-первых, это слияние индивидуальности: члены группы перестают ощущать себя отдельными субъектами, обладающими собственными желаниями, мыслями и чувствами, и воспринимают себя как часть единого целого, подчиняя свои индивидуальные интересы интересам группы.

Во-вторых, это потеря критического мышления: способность к анализу, сомнению, рефлексии замещается конформизмом и слепым подражанием лидеру и большинству.

В-третьих, это повышение агрессивности: в группе человек готов на действия, на которые никогда не решился бы в одиночку, поскольку чувство анонимности и ответственности, разделенной на всех, снимает внутренние запреты.

В-четвертых, это эмоциональное заражение: эмоции — страх, гнев, восторг, ненависть — быстро распространяются по группе, создавая эффект «общей волны», в которой люди теряют контроль над своими импульсами и действуют под влиянием коллективного аффекта.

Эти признаки делают «стаю» не просто деструктивной, но и опасной для внешнего мира.

Особенностью «стаи» является также ее способность к самовосстановлению — гомеостазису, который поддерживается не через адаптацию к изменяющимся условиям среды, а через ригидное воспроизведение одних и тех же деструктивных паттернов. Даже если лидер удален или часть членов покидает группу, «стая» может регенерировать, находя новых членов среди уязвимых людей и воспроизводя свою структуру на новом месте. Это делает ее похожей на гомеостатическую систему, способную к самовосстановлению после внешних воздействий, но

⁵³ Тайфел Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения / Г. Тайфел, Дж. Тернер // Иностранная психология. — 1993. — Т. 1, №2.

⁵⁴ Юнг, К. Г. Психология бессознательного / пер. с нем. А. И. Зелинского. — М.: Канон, 1994. — 320 с.

в отличие от здоровых систем, где гомеостаз поддерживается через гибкую адаптацию, в «стае» он поддерживается через ригидное сопротивление любым изменениям. Как отмечал К. Левин, «... группа обладает собственным полем сил, которое определяет поведение всех ее членов, и изменение этого поля требует значительных внешних усилий»⁵⁵ [С. 198]. Именно это поле сил и делает «стаю» такой устойчивой и такой трудной для трансформации.

Парадокс деструктивных групп заключается в том, что их члены остаются в них, несмотря на систематически переживаемое насилие, унижение и постоянный страх, который делает их жизнь невыносимой. Это противоречие разрешается через понятие «психологической экономики членства» — системы неявных расчетов, в которой страдания, переносимые в группе, компенсируются иллюзорными психологическими выгодами, которые член группы не может получить вне группы. К числу таких выгод относятся: защита от внешнего мира (группа дает иллюзию безопасности, создавая четкую границу «мы — они»); чувство принадлежности (человек перестает быть одиноким, растворяется в целом); предсказуемость (жесткие правила и четкая иерархия структурируют жизнь, снимая тревогу неопределенности); смысл (группа предлагает простые, ясные и убедительные ответы на сложные экзистенциальные вопросы); идентичность (человек точно знает, «кто он» — член группы, носитель определенного статуса, и это избавляет его от мучительного поиска себя). Как отмечает В. Франкл, «... человек может вынести любое „как“, любые страдания и лишения, если у него есть достаточно сильное и значимое „зачем“, ради которого он готов терпеть»⁵⁶ [С. 86].

Однако цена членства в деструктивной группе чрезвычайно высока, и она с лихвой перекрывает любые иллюзорные выгоды: полная потеря свободы и автономии, утрата способности к самостоятельному выбору и критическому мышлению, хронический стресс и травматизация, физическое и психологическое насилие, отрыв от семьи и здорового социального окружения, уголовное преследование и социальная стигматизация, и, что самое важное, — глубокая деградация личности, утрата способности к подлинной близости и здоровым отношениям. «Хроническое пребывание в деструктивной группе ведет к постепенной деградации личности, поскольку подавляет способность к рефлексии, автономному выбору и критическому осмыслению происходящего»⁵⁷ [С. 298]. Почему же члены группы не уходят, даже когда осознают цену и чувствуют, что разрушаются? Этот вопрос является центральным для понимания психологии деструктивных групп.

Существует несколько причин, по которым члены деструктивных групп остаются в них, несмотря на все страдания.

Первая и самая важная причина — страх изгнания и одиночества, который часто оказывается сильнее страха насилия внутри группы. Для многих членов деструктивных групп группа стала единственным «домом», единственным местом, где они чувствуют себя «своими», и изгнание из группы воспринимается как социальная смерть, возвращение в то состояние пустоты и отверженности, из которого они пришли.

Вторая причина — механизмы психологической защиты, которые блокируют осознание происходящего: отрицание, рационализация, проекция, диссоциация позволяют человеку не видеть того, что с ним происходит, и оправдывать насилие, которому он подвергается.

Третья причина — отсутствие альтернативы: человек может не иметь представления о том, как выглядит «нормальная» жизнь и нормальные отношения, потому что никогда их не

⁵⁵ Левин К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. И. Ю. Айхенвальда. — СПб.: Речь, 2000. — 408 с.

⁵⁶ Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. Д. А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.

⁵⁷ Брушлинский А. В. Психология субъекта. — СПб.: Алетей, 2001. — 416 с.

переживал и не видел их в своем окружении. Как пишет Дж. Боулби, «... *ранний опыт привязанности формирует внутреннюю рабочую модель отношений, и человек бессознательно ищет те отношения, которые подтверждают эту модель, даже если она деструктивна и травматична*»⁵⁸ [С. 78].

Четвертая причина — зависимость от адреналина: агрессия, страх и постоянный стресс дают острые ощущения, которые заглушают внутреннюю пустоту и заменяют собой эмоциональную близость, которой человек не умеет создавать и поддерживать.

Проведенный анализ показывает, что деструктивные группы разных типов — уличные банды, тюремные сообщества, культы, экстремистские организации — демонстрируют поразительное сходство в своей структурной организации и способах поддержания стабильности. Общим для всех них является наличие жесткой иерархии, основанной на страхе и насилии; системы ритуалов унижения, связывающих членов группы общей травмой; образа внешнего врага, сплачивающего группу и дающего ей смысл существования; механизмов социализации, формирующих зависимость от лидера и группы; и парадоксальной психологической экономики, при которой страдания компенсируются иллюзией защиты, принадлежности и смысла. Все эти механизмы создают устойчивую самовоспроизводящуюся систему, которая может существовать годами и даже десятилетиями, несмотря на внешние попытки воздействия. Понимание этой системной логики — необходимое условие для разработки эффективных стратегий трансформации деструктивных групп в просоциальные сообщества.

Как отмечает Е. И. Головаха, «... *разрушительная для асоциальной группировки активность психолога не является самоцелью; она должна сопровождаться целенаправленным формированием позитивной внутригрупповой структуры, которая сможет обеспечить устойчивое развитие сообщества и удовлетворение потребностей его членов без насилия и подавления*»⁵⁹ [С. 122]. Важнейший вывод, который вытекает из структурно-функционального анализа «стаи», заключается в том, что **превращение стаи в сообщество невозможно без изменения не только внешнего поведения членов группы, но и глубинных механизмов иерархии, привязанности и идентичности, на которых построена вся жизнь группы**. Внешние изменения — смена лидера, изменение правил, запрет насилия — без внутренней перестройки этих механизмов будут оставаться поверхностными и неустойчивыми.

Этот вывод задает направление для последующего анализа механизмов трансформации деструктивных групп — анализа, которому посвящены следующие разделы нашего исследования. Если «стая» держится на страхе, то трансформация требует замены страха чем-то иным — доверием, сотрудничеством, общим смыслом. Если «стая» держится на подражании лидеру, то трансформация требует развития автономной идентичности. Если «стая» держится на общем враге, то трансформация требует нахождения иного способа сплочения. Все эти задачи чрезвычайно сложны, но понимание структурной логики «стаи» дает нам возможность видеть, где находятся ключевые точки воздействия, и разрабатывать стратегии, направленные не на подавление симптомов, а на изменение самой системы.

Как говорил Курт Левин, «... *изменить систему можно, только изменив поле сил, в котором она существует*»⁶⁰ [С. 215], и именно это понимание лежит в основе нашего подхода к трансформации деструктивных групп.

⁵⁸ Боулби, Дж. Привязанность / пер. с англ. Н. Г. Горюновой. — М.: Гардарики, 2003. — 480 с.

⁵⁹ Головаха Е. И. Социальная психология группы / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. — Киев: Наукова думка, 1988. — 224 с.

⁶⁰ Левин К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. И. Ю. Айхенвальда. — СПб.: Речь, 2000. — 408 с.

Анатомия стаи: почему в плохой компании держатся за страх, и как агрессия становится криком о материнской любви

Автор: Тамара Николаевна Шомина

УДК: 159.922.7

ББК: 88.41

Аннотация

В статье раскрывается глубинная психологическая подоплека пребывания человека в деструктивной группе. Агрессия анализируется не как проявление силы, а как искаженная форма мольбы о любви и внимании, коренящаяся в дефиците ранней привязанности. Рассматриваются механизмы переноса, идентификации с агрессором и регрессии, удерживающие человека в токсичной среде. Предлагаются пути выхода из деструктивных групп через восстановление нарушенной привязанности.

Ключевые слова: агрессия, привязанность, деструктивная группа, травма, идентификация с агрессором, регрессия, проекция, сепарация, суррогатная семья.

Мы привыкли считать агрессию проявлением силы, доминирования и жесткости. Нам кажется, что человек, вступающий в деструктивную группу, банду или токсичное сообщество, делает это из жажды власти, из врожденной жестокости или из желания самоутвердиться за счет других. Обывательское сознание рисует образ агрессора как сильного, холодного и расчетливого хищника, который получает удовольствие от страданий окружающих и использует насилие как инструмент достижения своих целей. Но глубинная психология, опирающаяся на десятилетия клинических наблюдений и теоретических исследований, смотрит на это принципиально иначе.

Агрессия — это часто сила слабого. Это броня человека, который так и не получил в детстве достаточно любви, внимания и базовой безопасности, который не научился доверять миру и людям и не пережил опыта безусловного принятия. За фасадом «крутого парня», «безжалостного бандита» или «преданного члена секты» всегда скрывается тот самый испуганный, покинутый и отвергнутый младенец, который однажды сделал для себя страшное открытие: «Чтобы меня заметили, нужно кричать как можно громче. Чтобы меня любили, нужно терпеть боль. Чтобы меня приняли, нужно быть таким же жестоким, как они, иначе меня просто не увидят». Этот младенец живет внутри каждого агрессора и продолжает взывать о любви даже тогда, когда внешне человек выглядит сильным и независимым.

Эрих Фромм, один из самых глубоких и проницательных исследователей природы человеческой агрессии и деструктивности, в своем фундаментальном труде «Анатомия человеческой деструктивности» писал: *«Под маской деструктивности почти всегда скрывается отчаяние. Разрушительность — это не изначальная природа человека, а реакция на невыносимую боль, на ту боль, которая не нашла иного выхода, кроме как обернуться против мира»*⁶¹ [С.

⁶¹ Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова. — М.: АСТ, 2016. — 736 с.

215]. То, что мы принимаем за жестокость, за врожденную склонность к насилию, на самом деле чаще всего является искаженной формой мольбы о любви — о той самой безусловной любви, которой так не хватило в раннем детстве, о том внимании, которое не было получено от значимых взрослых, о той базовой безопасности, которая так и не была пережита как надежная и стабильная.

Именно это фундаментальное понимание — что агрессия рождается из боли и дефицита, а не из врожденного зла — становится ключом к пониманию того, почему люди держатся за деструктивные группы и как им можно помочь выйти из них. Разберем последовательно, как детские травмы и дефицит привязанности формируют у человека тягу к агрессивным группам и почему люди готовы годами терпеть унижения и насилие ради иллюзии «материнской заботы» и защиты. Дональд Винникотт, один из величайших детских психоаналитиков, писал о том, что «нет такого понятия, как младенец», имея в виду, что младенец всегда существует в контексте отношений с матерью, и эти отношения либо дают ему чувство безопасности, либо лишают его этого чувства⁶².

Если эти отношения были нарушены, если мать не смогла обеспечить ребенку надежную привязанность, то во взрослой жизни этот человек будет искать суррогат материнской заботы в самых разных формах, в том числе и в деструктивных группах, где лидер берет на себя роль «строгой матери», которая наказывает, но тем самым подтверждает, что член группы для нее существует. Именно это парадоксальное сочетание боли и признания становится для травмированной психики невыносимо привлекательным. В этом заключается главный парадокс деструктивных групп: люди остаются в них не вопреки страданиям, а ради тех иллюзорных выгод, которые эти страдания якобы приносят. Они готовы платить за иллюзию любви своей свободой, своим достоинством и своей жизнью.

Парадоксальным образом, чем более жестокой является группа, тем сильнее может быть привязанность к ней. Это объясняется тем, что в условиях хронического стресса и нестабильности психика регрессирует к более ранним стадиям развития, когда ребенок был полностью зависим от взрослого и не мог выжить без него. Именно эта регрессия делает членов деструктивных групп такими зависимыми от лидера и такими неспособными к критическому мышлению. Они живут в состоянии постоянного страха, но этот страх парадоксальным образом дает им ощущение, что они живы, что они существуют, что они не одни.

1. Агрессия как крик младенца

В основе многих агрессивных проявлений, которые мы наблюдаем у членов деструктивных групп, лежит незавершенная, хронически фрустрированная детская потребность в тепле, физическом контакте и эмоциональной близости. Представьте младенца, который плачет в кроватке, потому что мама долго не подходит, потому что она занята, устала или просто не слышит его. Его крик — это не злоба, не манипуляция и не попытка досадить родителям. Это отчаянный, экзистенциальный призыв, обращенный к миру: «Обрати на меня внимание! Я здесь! Я существую! Защити меня! Покажи мне, что я не один и что я важен, что мое существование имеет значение!». Этот крик звучит в душе каждого человека, который в детстве не получил достаточно тепла и заботы.

⁶² Винникотт, Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

Джон Боулби, основоположник теории привязанности, совершивший настоящую революцию в понимании человеческих отношений, описывал это состояние как сепарационную тревогу — фундаментальный страх разлуки, который для младенца равносителен угрозе физического уничтожения⁶³. Его крик, по Боулби, — это эволюционный механизм выживания, встроенный в самую глубину человеческой психики: «Кричи так громко, чтобы тебя обязательно услышали, иначе ты умрешь, потому что без взрослого ты не выживешь». Этот механизм не исчезает во взрослой жизни — он просто трансформируется в другие формы поведения.

Когда такой ребенок вырастает в среде, где его базовые эмоциональные потребности систематически игнорировались, обесценивались или удовлетворялись нестабильно, его психика может застрять на этой ранней стадии развития. Он так и не научился другим, более зрелым способам коммуникации, не приобрел веры в то, что его могут любить просто так, без условий, без требований, без необходимости заслуживать любовь через достижения или страдания. И тогда, будучи уже взрослым, он использует единственный известный ему инструмент привлечения внимания — крик, агрессию, провокации, деструктивное поведение.

Его агрессия — это не проявление силы, а проявление беспомощности, отчаяния и неумения иначе достучаться до мира. Если мы научимся переводить язык агрессии на язык потребностей, картина становится ясной и трагичной одновременно.

Драка или хамство = «Заметь меня! Я здесь! Я существую! Сделай что-нибудь, чтобы я почувствовал себя живым!»

Провокация конфликта = «Проверь меня: будешь ли ты меня останавливать? Хватит ли тебе сил меня удержать? Заботишься ли обо мне достаточно, чтобы не дать мне разрушить себя и других?»

Нарушение правил = «Пожалуйста, накажи меня, но тем самым признай, что я для тебя не пустое место, что я важен настолько, чтобы ты тратил на меня свое время и внимание»

Эти формулы помогают нам увидеть за деструктивным поведением человеческую боль.

Агрессия — это искаженная, изуродованная, вывернутая наизнанку форма мольбы о любви, о признании, о прикосновении. За каждым сжатым кулаком, готовым нанести удар, прячется открытая ладонь, которая когда-то тянулась к маме, к теплу, к защите, но так и не встретила ответного движения. Он разрушает, потому что не умеет созидать; он бьет, потому что не умеет обнимать; он оскорбляет, потому что не умеет говорить о своей боли. Именно это понимание — что за агрессией стоит не зло, а страдание, не сила, а слабость, не власть, а беспомощность — открывает путь к состраданию и, что более важно, к эффективной психологической помощи.

Понимание агрессии как крика о любви требует от нас пересмотра традиционных подходов к работе с деструктивными группами. Вместо того чтобы карать и изолировать агрессоров, мы должны помогать им осознать свои истинные потребности и находить здоровые способы их удовлетворения. Это не означает оправдания насилия, но означает признание того, что за насилием стоит человеческая трагедия, которую можно и нужно исцелять. Только такой подход может привести к устойчивым изменениям.

⁶³ Боулби, Дж. Привязанность / пер. с англ. Н. Г. Горюновой. — М.: Гардарики, 2003. — 480 с.

2. Механизмы переноса: как группа становится «суррогатной матерью»

Но почему человек, который так отчаянно нуждается в любви и признании, идет именно в агрессивную, деструктивную среду, а не в поддерживающую, терапевтическую, добрую? Почему он выбирает группу, где его будут бить и унижать, а не ту, где его примут и поддержат? Ответ на этот вопрос кроется в фундаментальном законе работы психики, открытом психоанализом и теорией привязанности: психика ищет не безопасное и комфортное, а знакомое и предсказуемое. Травма привязанности, пережитая в раннем детстве, создает искаженный внутренний компас, который ведет человека не к теплу и свету, а к тому, что напоминает ему о его первом, травматическом опыте отношений.

Первый механизм — поиск «материнского» объекта. В агрессивной группе роль такой «матери» берет на себя сильный, харизматичный, иногда жестокий лидер. Да, этот лидер груб, он может унижить, наказать, причинить боль. Но он заметен, он существует, он реагирует на человека. Для человека с хроническим дефицитом любви любое внимание, даже грубое и болезненное, бесконечно лучше, чем ледяное равнодушие, игнорирование и одиночество, в которых он жил до этого. Как пишет Д. В. Винникотт, «ложное Я» формируется у ребенка тогда, когда окружающая среда не способна откликаться на его спонтанные, искренние проявления⁶⁴.

Второй механизм — состояние «Мы», иллюзия слияния. Рядом с лидером и стаей человек перестает чувствовать себя одиноким, покинутым, изолированным. Он чувствует: «Мы — одно целое, мы — единый организм. Я защищен и в безопасности, пока я внутри этого организма, пока я часть этой семьи». Это примитивная, архаичная, но невероятно мощная и психологически глубокая форма привязанности, которая удовлетворяет базовую потребность в принадлежности и единстве, которая не была удовлетворена в детстве. Это ощущение слияния дает человеку иллюзию безопасности и защищенности, которых он был лишен в раннем возрасте.

Третий механизм — предсказуемость как суррогат заботы. Даже жестокие, суровые правила лучше, чем хаос свободы, потому что они создают структуру, границы, определенность. В детстве ребенок чувствует себя спокойнее, если знает границы дозволенного: «Если я сделаю это, меня накажут, а если то — похвалят, и я знаю, чего ожидать». Группа дает эту иллюзию контролируемого, понятного, структурированного мира, в котором нет места неопределенности, которая так пугала его в детстве. Как точно сформулировал это Э. Фромм, «... мы нападаем на мир не потому, что хотим его уничтожить, а потому что отчаянно пытаемся заставить его заметить наше существование»⁶⁵ [С. 289].

Четвертый механизм — перекладывание ответственности. В деструктивной группе человек освобождается от необходимости принимать решения и нести за них ответственность. Лидер решает все за него, и это дает ему иллюзию покоя и безопасности. Однако эта иллюзия имеет свою цену — потерю автономии и способности к самостоятельному выбору. Человек постепенно разучивается думать и чувствовать самостоятельно, превращаясь в послушный

⁶⁴ Винникотт Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

⁶⁵ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова. — М.: АСТ, 2016. — 736 с.

элемент групповой машины. Это делает его все более зависимым от группы и все менее способным к выходу из нее.

Именно это отчаянное желание быть замеченным, быть признанным, быть включенным в жизнь других людей лежит в основе парадоксального выбора деструктивной группы вместо поддерживающей среды. Человек выбирает не ту среду, где его любят, а ту, где его замечают. Для него любое внимание, даже негативное, лучше, чем равнодушие. Это та цена, которую он готов платить за иллюзию существования в глазах другого человека. И эта цена, увы, оказывается слишком высокой.

3. Лидер как «строгая мать»

В деструктивных сообществах лидер воплощает амбивалентный, двойственный образ родителя, который одновременно является источником боли и источником «любви», защиты и наказания. Это классическая травматическая привязанность, знакомая каждому, кто работал с жертвами насилия. Он наказывает — но это значит, что он замечает, что он неравнодушен, что я для него существую. Он диктует правила — но это дает ощущение стабильности, порядка, понятной структуры мира. Он может унижить — но потом может и похвалить, «приласкать», подарить надежду на то, что когда-нибудь он станет добрым и справедливым. Эта амбивалентность создает мощную эмоциональную зависимость.

В криминальной или околофутбольной среде «старший» может жестоко избить новичка за ошибку, а через час дать ему сигарету, обнять и похлопать по плечу, как будто ничего не произошло. Для психики с дефицитом привязанности это считается не как насилие, а как сложный, противоречивый, но все же акт заботы: «Он меня ругает и бьет, но он мой, он мой старший, он заботится обо мне и хочет сделать меня сильным».

Этот паттерн отношений воспроизводит детский опыт, где родитель мог быть одновременно и источником любви, и источником страха, и ребенок не мог покинуть родителя, потому что был от него полностью зависим.

Хайнц Кохут, основатель теории самости, называл это нарциссической яростью — реакцией на крах иллюзии идеального, всемогущего объекта, на который человек проецирует свои детские ожидания⁶⁶. Когда лидер одновременно и источник боли, и источник «любви», психика жертвы застревает в состоянии магического ожидания, которое не дает ей уйти: «Еще чуть-чуть, еще одно испытание, и он наконец станет тем, кем должен быть, станет той идеальной матерью, которую я так долго искал». Эта амбивалентность — одновременное присутствие любви и ненависти, заботы и насилия — создает ту самую травматическую связь.

Эта связь удерживает человека в деструктивной группе сильнее любых рациональных доводов. Именно поэтому члены деструктивных групп так часто защищают своих мучителей и оправдывают их действия. Они находятся в состоянии психологической защиты, которое не позволяет им увидеть реальность.

⁶⁶ Кохут Х. Анализ самости: систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / пер. с англ. Л. В. Собчик. — М.: Когито-Центр, 2003. — 368 с.

Они видят не жестокого лидера, а любящего отца или мать, которые «воспитывают» их ради их же блага. Эта иллюзия настолько сильна, что может разрушиться только под воздействием мощного внешнего вмешательства.

Лидер деструктивной группы прекрасно осознает эту динамику и использует ее для укрепления своей власти. Он чередует наказания и поощрения, создавая у членов группы зависимость, похожую на зависимость от наркотика. Каждое проявление «доброты» со стороны лидера воспринимается как награда, которую нужно заслужить, и члены группы готовы на все, чтобы получить эту награду снова. Этот цикл наказания и поощрения является основным механизмом контроля в деструктивных группах.

4. Группа как суррогатная семья

Агрессивная стая виртуозно, почти с пугающей точностью воссоздает детскую модель семейных отношений, в которой каждый член группы находит свое место. Иерархия группы становится семейной структурой: «старшие» — это родители, «младшие» — это дети, а унижения и «дедовщина» становятся суррогатом «воспитательных мер», которые должны сделать младших сильнее и подготовить их к взрослой жизни. Эта модель воспроизводит ту самую семейную динамику, в которой вырос член группы, и поэтому она кажется ему естественной и правильной. Он не знает других моделей отношений.

Ритуалы инициации, через которые должен пройти каждый новичок, становятся символическим рождением в новой семье. Прохождение через боль, унижения, физические и психологические испытания дает ощущение: «Я выжил, я прошел через это, я принят в семью, теперь я имею право на любовь, на признание, на защиту». Эти ритуалы создают травматическую связь, которая оказывается прочнее любых других связей. Человек, прошедший через инициацию, чувствует себя связанным с группой особой, сакральной связью, которую никто не может разрушить.

Коллективная вина, общие нарушения закона, совместно совершенное насилие создают общую тайну, которая связывает членов группы крепче, чем любая дружба, основанная на взаимной симпатии. Это регрессивная связь детей, которые вместе напроказничали и теперь боятся «взрослых» — общества, государства, родителей, — и эта общая тайна становится основой их сплоченности. Они знают друг о друге то, что не должны знать другие, и это знание делает их союзниками перед лицом внешнего мира. Страх разоблачения удерживает их вместе.

Уилфред Бион, исследователь групповой динамики, описывал «базовые допущения» — бессознательные установки, которые объединяют группу сильнее любой рациональной цели⁶⁷. В деструктивных стаях это чаще всего допущение «зависимости»: «Где-то есть всемогущий спаситель, и если мы будем достаточно преданны ему, он защитит нас от враждебного мира». Эта бессознательная установка делает членов группы неспособными к критическому мышлению и автономному существованию. Они живут в иллюзии, что спасение придет извне, от лидера, от группы.

Они не могут увидеть, что именно эта группа и этот лидер являются источником их страданий. Это делает выход из деструктивной группы практически невозможным без внешней помощи. Чем дольше человек находится в деструктивной группе, тем сильнее становится его

⁶⁷ Бион, У. Опыты в группах / пер. с англ. А. М. Кессельман. — М.: Когито-Центр, 2014. — 240 с.

зависимость от нее и тем слабее его способность к самостоятельному мышлению и выбору. Он постепенно теряет себя, свою идентичность, свои ценности и становится просто элементом групповой структуры.

5. Страх одиночества как главный тормоз

Для человека с младенческой травмой покинутости, с опытом отвержения в раннем детстве, одиночество равносильно физической смерти, и именно так это переживалось в первые месяцы и годы его жизни. Поэтому в психике включается жесткая иерархия выживания, которая делает выбор в пользу группы почти безальтернативным. Лучше терпеть унижения, боль и страх в группе, чем остаться одному, столкнуться с той пустотой и ужасом, которые переживались в детстве, когда мать не приходила, не утешала, не защищала. Эта память о первичной травме остается с человеком на всю жизнь.

Лучше быть «плохим», но заметным, быть объектом гнева и наказания, чем быть «никаким», невидимым, не существующим для других. Лучше подчиняться жестокому, деспотичному лидеру, чем столкнуться с неопределенностью свободы, которая пугает человека, не умеющего выбирать и отвечать за свой выбор. Как отмечает Э. Фромм в своей знаменитой работе «Бегство от свободы», «... человек, не вынесший бремени свободы, добровольно отдает себя в руки нового хозяина — лишь бы не оставаться наедине с собственной пустотой»⁶⁸ [С. 156].

Эта пустота, этот ужас перед одиночеством и собственной незначительностью является главным двигателем, который удерживает человека в деструктивной группе, несмотря на весь ужас того, что он там переживает. Свобода оказывается слишком тяжелой ношей для того, кто не научился нести ответственность за свою жизнь. Именно поэтому члены деструктивных групп так часто возвращаются в них даже после того, как им удалось выйти. Вне группы они сталкиваются с той самой пустотой, которую группа помогала им не замечать.

И эта пустота оказывается страшнее любого насилия, потому что она напоминает им о самом раннем, самом травматическом опыте — опыте покинутости. Именно поэтому работа с членами деструктивных групп должна включать не только помощь в выходе из группы, но и работу с этой глубинной травмой, с этим страхом одиночества. Без этой работы выход будет временным, и человек с высокой вероятностью вернется в деструктивную среду или найдет ей аналогичную замену. Исцеление должно быть глубоким и комплексным.

6. Невидимые цепи: психологические механизмы, удерживающие в стае

Почему разум говорит «беги, это опасно, это разрушает тебя», а ноги не слушаются, а тело остается в группе, продолжая терпеть унижения и боль? Потому что в дело вступают глубинные, древние механизмы психики, которые срабатывают быстрее и сильнее, чем любые рациональные доводы.

Первый механизм — регрессия. В состоянии стресса, тревоги, неопределенности психика откатывается к более ранним, детским моделям поведения и восприятия. Группа дает человеку возможность «вернуться в детство», где есть всемогущий «родитель» (лидер), который берет на себя всю ответственность и избавляет от необходимости выбирать.

⁶⁸ Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. Лактионова. — М.: АСТ, 2017. — 288 с.

Второй механизм — проекция. Участники деструктивных групп переносят на лидера свои детские ожидания, фантазии и надежды: «Он должен меня защитить и спасти, даже если бьет. Он сильный, как мама, как папа, и я должен подчиняться ему, чтобы выжить». Эта проекция создает мощную эмоциональную связь, которая не поддается рациональной критике. Человек видит в лидере не реального человека с его недостатками, а идеализированный образ всемогущего родителя, который может решить все его проблемы.

Третий механизм — идентификация с агрессором. Термин, введенный Шандором Ференци, описывает ситуацию, когда жертва, чтобы справиться с невыносимым ужасом, который вызывает у нее агрессор, начинает копировать его поведение [Ferenczi, S. The Confusion of Tongues Between Adults and the Child / S. Ferenczi // International Journal of Psychoanalysis. — 1949. — Vol. 30. — P. 225—230]. «Если я стану таким же монстром, как он, если я буду вести себя так же, как он, значит, монстр меня не съест, я стану таким же, как он, и буду в безопасности». Идентификация с агрессором — это последняя, отчаянная надежда жертвы: если я стану палачом, мне больше никогда не будет так больно.

Четвертый механизм — коллективный перенос. Вся группа разделяет одну общую иллюзию: «Мы — семья, мы — братья, мы — свои, мы — единственные, кто понимает друг друга». Эта иллюзия создает мощнейший эмоциональный клей, который удерживает людей вместе даже тогда, когда каждый из них уже начал осознавать, что происходит что-то неладное. Коллективный перенос делает критическое мышление практически невозможным, потому что любое сомнение воспринимается как предательство группы.

Пятый механизм — отрицание травмы. Признать, что группа токсична и жестока, означает сделать следующий, еще более болезненный шаг: «Меня не любили по-настоящему в детстве. Мне не хватило тепла и заботы. И я, взрослый человек, согласился на жалкий суррогат, на имитацию семьи, на дешевую подделку любви». Эта боль настолько невыносима, что психика предпочитает оправдывать насилие: «Он ругается и бьет, потому что хочет сделать меня сильным. Он желает мне добра. Это воспитание, а не насилие».

Мелани Кляйн описывала это как параноидно-шизоидную позицию — защитный механизм, при котором мир расщепляется на абсолютно «хорошее» и абсолютно «плохое»⁶⁹. Лидер и группа становятся «хорошими» (своими, правильными, спасающими), а внешний мир — «плохим» (враждебным, опасным, разрушительным). Это расщепление позволяет психике не сталкиваться с амбивалентностью — самым страшным для травмированного ребенка чувством, когда один и тот же человек одновременно и любит, и причиняет боль.

7. Почему они не уходят? Глубинные причины

Даже когда человек начинает осознавать деструктивность своего окружения, даже когда его разум говорит ему, что нужно уйти, он может годами оставаться в группе. Этому способствуют несколько глубинных причин, каждая из которых коренится в раннем детском опыте.

Первая и самая важная причина — страх сепарации. Уход из группы бессознательно приравнивается к повторению детской травмы, к тому самому отвержению, которое человек

⁶⁹ Кляйн М. Зависть и благодарность: исследование бессознательных источников / пер. с англ. В. Л. Зеленского. — СПб.: Б.С.К., 1997. — 352 с.

пережил в раннем детстве: «Мама меня бросила, и я умер тогда, я умер и теперь умираю снова». Этот страх сильнее любой логики, сильнее любых рациональных доводов.

Вторая причина — неумение строить зрелые, здоровые отношения. Если человек никогда в жизни не переживал безопасной, надежной, не травматичной привязанности, он просто не умеет ее создавать. Он не верит, что люди могут быть близкими без боли, что любовь может быть безусловной, что забота не требует расплаты. Он не знает, как выглядят здоровые отношения, потому что никогда их не видел. Его единственная модель отношений — это та, которую он пережил в детстве, и она была травматичной.

Третья причина — зависимость от адреналина. Агрессия, страх и постоянный стресс дают острые ощущения, которые заглушают внутреннюю пустоту, зияющую в душе человека. Эти ощущения заменяют собой эмоциональную близость, которой человек боится и которую не умеет выдерживать. Без этих острых ощущений он чувствует себя мертвым, пустым, ничемным. Группа дает ему это чувство жизни, даже если эта жизнь — жизнь в постоянном страхе.

Четвертая причина — отсутствие альтернатив. Человек искренне не верит, что заботу и тепло можно получить бесплатно, просто так, без условий. Ему кажется, что любовь — это всегда сделка, обмен, торг: я страдаю, и меня за это любят. Я плачу, и меня принимают. Я жертвую собой, и меня ценят. Как точно сформулировал это Э. Фромм, «... человек, не вынесший бремени свободы, добровольно отдает себя в руки нового хозяина — лишь бы не оставаться наедине с собственной пустотой»⁷⁰ [С. 156].

Пятая причина — потеря идентичности. В деструктивной группе человек постепенно теряет себя. Он перестает знать, кто он, чего он хочет, что для него ценно. Его идентичность становится идентичностью группы. И когда он думает о выходе, он думает: «Кто я без группы? Что останется от меня?» Эта потеря себя оказывается страшнее, чем страдания внутри группы. Именно поэтому выход из деструктивной группы — это не просто смена окружения, а сложный процесс восстановления идентичности.

8. Путь к выходу: как разорвать токсичную пуповину

Чтобы человек смог покинуть агрессивную, деструктивную группу, мало просто «запретить» ему туда ходить. Нужно восстановить нарушенную привязанность и дать его психике реальную, убедительную альтернативу.

Первый шаг — создание безопасной привязанности в терапевтических группах, в отношениях с наставником, в волонтерских сообществах. Дональд Винникотт называл это «холдингом» (holding) — удерживанием, созданием среды, в которой человек может впервые почувствовать себя в полной безопасности⁷¹. В такой среде человек впервые может пережить опыт, что его принимают без условий, без требования соответствовать и без угрозы отвержения.

Второй шаг — глубокая работа с травмой через психотерапию. Главная задача — прожить боль, которая была подавлена: «Тебя не любили тогда, тебе было страшно. Но это не

⁷⁰ Фромм, Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. Лактионова. — М.: АСТ, 2017. — 288 с.

⁷¹ Винникотт Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

значит, что ты недостоин любви сейчас». Без проживания этой боли любые изменения будут поверхностными и неустойчивыми. Человек должен принять тот факт, что его детство было травматичным, и что это не его вина.

Третий шаг — формирование навыков зрелой автономии, обучение способам саморегуляции. Человек должен узнать, что он может выжить, справиться со своей тревогой и не разрушиться, даже если он один. Это требует времени и терпения, потому что навык быть одному — это навык, который не был сформирован в детстве и должен быть выработан заново во взрослой жизни.

Четвертый шаг — помощь в обретении новой идентичности. Человеку нужно найти деятельность, где он может реализовать свою потребность в силе и значимости без агрессии: спорт, творчество, помощь другим. Новая идентичность должна быть более гибкой и многогранной, чем та, которую предлагала деструктивная группа. Человек должен узнать, что он может быть разным, и все эти разные части его — ценные и важные.

Пятый шаг — постепенная сепарация от деструктивной группы. Резкий разрыв может спровоцировать тяжелейший регресс и срыв. Лучше действовать поэтапно: сначала создать «мост» в новый, безопасный мир, установить там надежные связи, и только потом ослаблять связь со старым. Выход из токсичной группы — это не побег, а возвращение домой. Домой — к самому себе, к тому ребенку, которого когда-то бросили, и которого теперь наконец можно взять на руки.

Важно понимать: объяснение корней агрессии через травму привязанности не является оправданием насилия. Понимание того, что человек бьет других из-за внутренней детской боли, не отменяет того факта, что жертвам причиняется реальный физический и моральный вред. Задача психологии — не оправдать агрессора, а понять механику его поведения, чтобы эффективно ему помочь. Истинное исцеление начинается там, где человек осознает: настоящую заботу, принятие и безопасность не нужно «заслуживать» через боль и унижение других людей. И что он имеет право на любовь и счастье просто потому, что он — человек.

В конечном счете, выход из деструктивной группы — это не просто смена социального окружения, а глубокий внутренний процесс перестройки всей личности. Это процесс, в котором человек учится быть самим собой, принимать свои чувства и потребности, строить отношения на основе доверия и уважения. Этот процесс может быть долгим и болезненным, но он возможен. И каждый человек, который решается на этот путь, заслуживает поддержки и понимания.

Критика теории Маслоу в контексте депривированных сообществ

Автор: к. т. н. Александр Евгеньевич Капитонов

УДК: 159.923.2

ББК: 88.52

Аннотация

В статье ставится под сомнение универсальность классической иерархии потребностей Абрахама Маслоу применительно к группам, находящимся в состоянии хронического стресса и депривации. Показывается, как в «стае» потребность в безопасности парадоксальным образом удовлетворяется через демонстрацию силы и готовность к насилию.

Ключевые слова: иерархия потребностей, Маслоу, депривация, стая, безопасность, насилие, групповая динамика, деструктивные группы, мотивация, выживание.

Теория иерархии потребностей Абрахама Маслоу, предложенная им в середине XX века, стала одной из самых влиятельных и узнаваемых концепций в психологии. Согласно этой теории, человеческие потребности выстроены в иерархическом порядке:

физиологические потребности (голод, жажда, сон),
потребность в безопасности,
потребность в любви и принадлежности,
потребность в уважении и признании,
и, наконец, потребность в самоактуализации⁷².

Маслоу утверждал, что потребности более высокого уровня не могут быть актуализированы до тех пор, пока не удовлетворены потребности более низкого уровня. Человек, который голоден и не чувствует себя в безопасности, не может стремиться к любви, самоуважению или самореализации.

Эта теория, несмотря на свою популярность и интуитивную привлекательность, была разработана на основе изучения относительно здоровых и благополучных людей, преимущественно из западных обществ. Маслоу изучал выдающихся личностей, таких как Альберт Эйнштейн и Элеонора Рузвельт, и на основе их биографий строил свои обобщения о человеческой мотивации. Однако применимость этой теории к группам, находящимся в состоянии хронического стресса, депривации и социальной изоляции, остается открытым вопросом. Как показывают исследования деструктивных групп — уличных банд, тюремных сообществ, деструктивных культов, — иерархия потребностей в таких сообществах работает принципиально иначе.

В депривированных сообществах, которые мы условно называем «стаями», наблюдается парадоксальный феномен: потребность в безопасности, которая по Маслоу является базовой и должна быть удовлетворена прежде других, здесь удовлетворяется через демонстрацию силы и готовность к насилию. Член группы чувствует себя в безопасности не тогда, когда вокруг

⁷² Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. — СПб.: Евразия, 1999. — 478 с.

него тихо и спокойно, а тогда, когда он доказал свою способность навязать волю другим и когда его боятся. Это искажение нормальной иерархии потребностей — одна из ключевых характеристик «стаи». Человек в такой группе не ищет безопасность в мирной жизни — он ищет ее в способности быть опасным для других.

Это наблюдение ставит под сомнение универсальность теории Маслоу и требует пересмотра классических представлений о мотивации в контексте депривации. В данной статье мы проанализируем, как работает иерархия потребностей в деструктивных группах, почему потребность в безопасности трансформируется в потребность в доминировании, и какие теоретические альтернативы могут быть предложены для описания мотивации в условиях хронического стресса и депривации. Мы покажем, что классическая пирамида Маслоу в таких условиях переворачивается, и потребности более высокого уровня могут становиться средствами удовлетворения базовых потребностей.

1. Иерархия потребностей Маслоу: основные положения

Теория Маслоу исходит из предположения, что человеческие потребности организованы иерархически, и что удовлетворение потребностей более низкого уровня является необходимым условием для актуализации потребностей более высокого уровня. В основании пирамиды находятся физиологические потребности — потребность в пище, воде, сне, тепле. Если человек голоден, он не может думать ни о чем другом, пока его голод не будет утолен. Как писал сам Маслоу, «... человек, который испытывает сильный голод, не интересуется ничем, кроме еды»⁷³ [С. 89].

На следующем уровне находятся потребности в безопасности — потребность в стабильности, защите, свободе от страха и хаоса. Когда физиологические потребности удовлетворены, человек начинает искать безопасную среду, предсказуемые отношения, защиту от угроз. Далее следуют социальные потребности — потребность в любви, принадлежности, дружбе, семье. Человек стремится быть частью группы, чувствовать себя принятым и любимым. Затем идут потребности в уважении и признании — потребность в самоуважении, компетентности, достижениях, а также в уважении со стороны других. На вершине пирамиды находится потребность в самоактуализации — стремление человека реализовать свой потенциал, быть тем, кем он может стать.

Маслоу подчеркивал, что эта иерархия не является жесткой и абсолютной. Он признавал, что некоторые люди могут стремиться к самоактуализации, даже если их более низкие потребности не полностью удовлетворены. Однако в целом он настаивал на том, что «... более фундаментальные потребности имеют тенденцию доминировать над более высокими и должны быть в значительной степени удовлетворены, прежде чем более высокие потребности станут актуальными»⁷⁴ [С. 97]. Это положение и является основным объектом нашей критики применительно к депривированным сообществам.

Важно отметить, что теория Маслоу была создана в контексте относительно стабильных западных обществ послевоенного периода. Она отражает ценности и условия этого времени, предполагая, что базовые потребности в пище и безопасности обычно удовлетворены в нормальных условиях. Однако в депривированных сообществах, где хронический стресс и

⁷³ Маслоу, А. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. — СПб.: Евразия, 1999. — 478 с.

⁷⁴ Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. — СПб.: Евразия, 1999. — 478 с.

дефицит являются нормой, иерархия потребностей работает принципиально иначе. Здесь удовлетворение низших потребностей не является предпосылкой для высших, а сама структура мотивации трансформируется кардинальным образом.

2. Искажение иерархии в условиях депривации

В условиях хронической депривации, когда физиологические потребности постоянно находятся под угрозой неудовлетворения, иерархия потребностей претерпевает существенные искажения. Однако эти искажения носят не просто количественный, а качественный характер. Потребность в безопасности, которая в нормальных условиях удовлетворяется через поиск стабильного жилья, работы, социальных гарантий, в депривированных сообществах трансформируется в потребность в доминировании. Человек чувствует себя в безопасности не тогда, когда он защищен, а тогда, когда он сам способен угрожать. Как отмечал Э. Фромм, *«... человек, лишенный чувства безопасности, ищет ее во власти над другими, потому что власть дает иллюзию безопасности»*⁷⁵ [С. 156].

Это искажение демонстрирует, что в условиях депривации потребности не просто перестраиваются в иерархическом порядке, но и меняют свое качественное содержание. Потребность в безопасности перестает быть пассивной (стремление к защите) и становится активной (стремление к контролю и доминированию). Точно так же потребность в принадлежности в деструктивных группах удовлетворяется не через любовь и принятие, а через страх и подчинение. Член группы чувствует себя «своим», когда он разделяет общую вину, когда он прошел через ритуалы унижения, когда он боится того же, чего боятся другие.

Социальные потребности в депривированных сообществах также приобретают искаженные формы. Потребность в любви и принадлежности, которая у Маслоу предполагает теплые, доверительные отношения, в «стае» реализуется через травматическую связь. Члены группы связаны друг с другом не любовью, а общей травмой, общим страхом и общей виной. Это парадоксальное явление описывал Уилфред Бион, который показал, что в деструктивных группах базовые допущения (зависимость, борьба-бегство, спаривание) сильнее любой рациональной цели⁷⁶. Эти допущения подменяют собой здоровые социальные потребности, создавая иллюзию принадлежности.

Потребность в уважении в деструктивных группах также трансформируется. Уважение перестает быть признанием достижений и личных качеств — оно становится признанием способности к насилию и подчинению. Чем более жестоким и безжалостным является член группы, тем выше его статус. Уважение заслуживается через демонстрацию силы, а не через доброту, честность или талант. Таким образом, вся структура мотивации в «стае» оказывается перевернутой по сравнению с классической пирамидой Маслоу. Те потребности, которые должны быть вершиной мотивации, становятся средствами для удовлетворения ее основания.

Потребность в самоактуализации в деструктивных группах практически отсутствует как таковая, поскольку она предполагает реализацию потенциала в просоциальных формах. Вместо нее мы наблюдаем потребность в самоутверждении через разрушение, которая является искаженным, злокачественным вариантом стремления к самореализации. Как писал Э. Фромм, *«... злокачественная агрессия — это не защита, а стремление к власти, которое возникает*

⁷⁵ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова. — М.: АСТ, 2016. — 736 с.

⁷⁶ Бион, У. Опыты в группах / пер. с англ. А. М. Кессельман. — М.: Когито-Центр, 2014. — 240 с.

как компенсация чувства собственной ничтожности и беспомощности»⁷⁷ [С. 215]. Таким образом, пирамида потребностей в условиях депривации не просто перестраивается, а приобретает патологические формы.

3. Парадокс безопасности в «стае»

Наиболее яркое проявление искажения иерархии потребностей в деструктивных группах — это парадоксальный способ удовлетворения потребности в безопасности. В классической модели Маслоу потребность в безопасности удовлетворяется через устранение угроз, создание стабильной среды, защиту от насилия. В «стае» же эта потребность удовлетворяется через обратное — через создание угроз, через демонстрацию силы и готовность к насилию. Член группы чувствует себя в безопасности не тогда, когда его не трогают, а тогда, когда он сам способен вызвать страх у других.

Этот парадокс можно объяснить несколькими механизмами. Первый — механизм проекции. Человек, испытывающий хронический страх, проецирует этот страх на внешний мир, воспринимая его как враждебный и опасный. Член «стаи» видит угрозу повсюду — в других группах, в обществе, в государстве. Он не может чувствовать себя в безопасности в мире, где есть так много угроз. Поэтому он ищет безопасность не в устранении угроз, а в увеличении своей собственной силы и жестокости. Если я боюсь мира, я должен стать сильнее мира. Если я боюсь других, я должен заставить их бояться меня.

Второй механизм — идентификация с агрессором. Человек, который боится, что на него нападут, может идентифицироваться с агрессором, чтобы перестать чувствовать себя жертвой. Если я стану таким же агрессивным, как те, кого я боюсь, я перестану бояться, потому что я сам стану угрозой. Как писал Шандор Ференци, «... ребенок, подвергающийся насилию, начинает идентифицироваться с насильником, чтобы справиться с невыносимым ужасом»⁷⁸ [pp. 226]. Эта идентификация с агрессором становится способом удовлетворения потребности в безопасности через отождествление с источником угрозы.

Третий механизм — трансформация страха в агрессию. Страх и агрессия тесно связаны нейробиологически. В состоянии страха активируется симпатическая нервная система, готовящая организм к борьбе или бегству. В «стае» человек выбирает борьбу, превращая страх в агрессию. Агрессия становится способом справиться со страхом — если я атакую первым, я не буду жертвой. Если я буду выглядеть опасным, меня не будут трогать. Таким образом, потребность в безопасности удовлетворяется через агрессию, которая становится главным инструментом выживания.

Этот парадокс имеет важные последствия для понимания мотивации в деструктивных группах. Он показывает, что классическая иерархия потребностей не является универсальной, и что в условиях депривации потребности могут удовлетворяться патологическими, искаженными способами. Удовлетворение потребности в безопасности через агрессию и доминирование создает замкнутый круг, в котором безопасность зависит от постоянного подтверждения силы. Это требует от человека постоянной демонстрации жестокости и готовности к насилию, что делает его все более зависимым от группы и все менее способным к нормальной жизни.

⁷⁷ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова. — М.: АСТ, 2016. — 736 с.

⁷⁸ Ferenczi, S. The Confusion of Tongues Between Adults and the Child. // International Journal of Psychoanalysis. — 1949. — Vol. 30. — P. 225—230

Джон Боулби в своей теории привязанности описывал, как ранний опыт формирует устойчивые паттерны поведения⁷⁹. Если ребенок не получил надежной привязанности, он не научился доверять миру и видеть его как безопасное место. Тогда потребность в безопасности трансформируется в потребность в контроле — я должен контролировать мир, чтобы он не причинил мне боль. Это и является основой того парадокса, который мы наблюдаем в деструктивных группах.

4. Депривация и регрессия иерархии

В условиях хронической депривации и стресса наблюдается регрессия иерархии потребностей к более примитивным уровням. Даже если человек в определенный момент достиг более высоких уровней мотивации (например, потребности в уважении или самоактуализации), в состоянии стресса он может регрессировать к потребностям в безопасности или даже физиологическим потребностям. Этот феномен известен в психологии и был описан многими исследователями.

Однако в контексте деструктивных групп регрессия приобретает особый характер — она становится не временной, а хронической и структурообразующей.

Члены деструктивных групп находятся в состоянии постоянного стресса, который не позволяет им подняться выше базовых потребностей в безопасности и принадлежности. Но, как мы уже показали, эти потребности удовлетворяются здесь искаженным образом. Безопасность достигается через агрессию, а принадлежность — через подчинение и разделение травмы.

Это создает патологический гомеостаз, который поддерживает группу в стабильном состоянии, но не позволяет ее членам развиваться. Любая попытка выйти за пределы этого уровня сталкивается с сопротивлением группы, которая воспринимает такие попытки как угрозу своей целостности.

Важно отметить, что регрессия в деструктивной группе носит не только индивидуальный, но и групповой характер. Вся группа регрессирует к более примитивным формам организации, которые Э. Фромм называл «симбиотическими»⁸⁰. В симбиотических отношениях один человек (лидер) становится всемогущим, а другой (член группы) — полностью зависимым. Это позволяет членам группы избежать тревоги одиночества и неопределенности, но ценой отказа от своей автономии и свободы. Потребность в безопасности здесь полностью подчиняет себе все остальные потребности, превращая группу в закрытую, ригидную и деструктивную систему.

Таким образом, иерархия потребностей в деструктивной группе представляет собой не просто иную последовательность, а качественно иное состояние мотивационной системы. Это состояние характеризуется тем, что потребность в безопасности и принадлежности становится доминирующей, но удовлетворяется она через патологические механизмы, которые не позволяют перейти к следующим уровням развития. Группа застревает в этом состоянии, и ее члены теряют способность к автономному развитию.

⁷⁹ Боулби Дж. Привязанность / пер. с англ. Н. Г. Горюновой. — М.: Гардарики, 2003. — 480 с.

⁸⁰ Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. А. Лактионова. — М.: АСТ, 2017. — 288 с.

5. Социальные потребности как средство выживания

В классической теории Маслоу социальные потребности — потребность в любви, принадлежности, дружбе — возникают после удовлетворения физиологических потребностей и потребности в безопасности. В деструктивных группах, однако, социальные потребности парадоксальным образом становятся средством удовлетворения потребности в безопасности. Человек ищет принадлежности не ради самой принадлежности, а ради безопасности, которую она дает. Он готов терпеть унижения, насилие и подчинение, только чтобы не остаться одному.

Этот феномен объясняется тем, что в условиях депривации одиночество воспринимается как смертельная угроза. Человек, не имеющий поддержки группы, становится легкой добычей для внешних врагов. Поэтому принадлежность к группе становится не просто социальной потребностью, а условием физического выживания. Как отмечал Курт Левин, «... *группа дает индивиду защиту от враждебного мира, и эта защита становится важнее, чем личные интересы и комфорт*»⁸¹ [С. 156]. В этом контексте социальные потребности перестают быть «высшими» и становятся «базовыми», поскольку они обеспечивают выживание.

Эта трансформация имеет важные последствия для понимания того, почему члены деструктивных групп так трудно покидают их. Когда социальные потребности становятся средством выживания, выход из группы воспринимается как угроза самой жизни. Человек не просто теряет друзей — он теряет защиту, смысл, идентичность. Он остается один на один с миром, который он привык воспринимать как враждебный. Именно поэтому члены деструктивных групп часто возвращаются в них после неудачных попыток выйти. Вне группы они не чувствуют себя в безопасности.

Данный феномен показывает, что иерархия потребностей в условиях депривации не просто меняется местами, но превращается в циклическую систему, где потребности более высокого уровня становятся инструментами удовлетворения низших. Социальные потребности обслуживают потребность в безопасности, а потребность в уважении обслуживает потребность в принадлежности. Человек в «стае» стремится к уважению не ради самоутверждения, а ради того, чтобы укрепить свое положение в группе и тем самым обеспечить свою безопасность.

6. Потребность в самоактуализации как роскошь

Согласно Маслоу, самоактуализация — это высший уровень человеческого развития, когда человек реализует свой потенциал, становится тем, кем может стать. Однако в депривированных сообществах эта потребность практически недоступна. Она становится роскошью, которую могут позволить себе только те, чьи базовые потребности удовлетворены в достаточной степени. Для членов деструктивных групп самоактуализация — это что-то из области фантазий, что-то, что не имеет отношения к реальной жизни.

Вместо самоактуализации в «стае» мы наблюдаем суррогатные формы самореализации, связанные с доминированием и насилием. Человек может чувствовать себя реализованным, когда он поднимается по иерархической лестнице, когда он становится лидером или приближенным к лидеру. Но эта реализация не является подлинной самоактуализацией, поскольку она не раскрывает человеческий потенциал в созидательном направлении. Напротив, она

⁸¹ Левин К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. И. Ю. Айхенвальда. — СПб.: Речь, 2000. — 408 с.

деформирует личность, делает ее более жесткой, более агрессивной и более зависимой от внешнего признания.

Это наблюдение подтверждает, что теория Маслоу не является универсальной и применима только к определенным культурным и социальным условиям. В депривированных сообществах потребность в самоактуализации подавляется или трансформируется в патологические формы. Это имеет важные практические последствия для психологической работы с членами деструктивных групп. Прежде чем говорить о самоактуализации, мы должны помочь им удовлетворить их базовые потребности в безопасности и принадлежности, но сделать это в здоровых, а не патологических формах.

Таким образом, иерархия потребностей Маслоу применительно к деструктивным группам не работает в классическом варианте. Здесь она переворачивается, искажается и трансформируется, превращаясь в патологическую систему мотивации. Потребность в безопасности становится потребностью в доминировании, потребность в принадлежности — потребностью в подчинении, потребность в уважении — потребностью в утешении, а потребность в самоактуализации — потребностью в самоутверждении через разрушение. Понимание этой трансформации является ключевым для понимания психологии деструктивных групп.

7. Альтернативные теории мотивации в условиях депривации

Критика теории Маслоу не означает, что мы должны полностью отказаться от иерархического понимания мотивации. Скорее, мы должны дополнить ее концепциями, которые учитывают специфику депривированных сообществ. Одной из таких концепций является теория базовых психологических потребностей Эдварда Деси и Ричарда Райана, которая выделяет три универсальные потребности: автономию, компетентность и связанность⁸². В депривированных сообществах эти потребности удовлетворяются патологически, но сам факт их наличия подтверждает универсальность базовых мотивационных структур.

Другой важной альтернативой является теория Эриха Фромма, который выделял экзистенциальные потребности человека: потребность в укорененности, потребность в единстве, потребность в преодолении, потребность в системе ориентации и потребность в идентичности⁸³.

В деструктивных группах эти потребности также находят свое удовлетворение, но в искаженных формах. Потребность в укорененности удовлетворяется через жесткую иерархию, потребность в единстве — через слияние с группой, потребность в преодолении — через насилие, потребность в системе ориентации — через идеологию, а потребность в идентичности — через отождествление с группой.

Эти альтернативные подходы показывают, что теория Маслоу не является единственно возможной моделью мотивации. Она отражает один из аспектов человеческой природы, но не учитывает специфику депривированных сообществ, где мотивация функционирует по иным законам. В условиях хронического стресса и депривации иерархия потребностей трансформируется, но сами потребности остаются универсальными.

⁸² Деси Э. Самоопределение и психологическая мотивация / Э. Деси, Р. Райан; пер. с англ. А. А. Реана. — М.: Смысл, 2008. — 320 с.

⁸³ Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова. — М.: АСТ, 2016. — 736 с.

Задача психологии — понять эти трансформации и найти способы помощи людям, оказавшимся в деструктивных группах.

8. Практические выводы для работы с деструктивными группами

Понимание трансформации иерархии потребностей в деструктивных группах имеет важные практические последствия для психологической работы. Прежде всего, оно показывает, что традиционные подходы, основанные на классической теории Маслоу, могут быть неэффективными. Мы не можем предлагать членам деструктивных групп самоактуализацию, когда их базовые потребности не удовлетворены или удовлетворяются патологическим образом.

Вместо этого мы должны помочь им найти здоровые способы удовлетворения потребности в безопасности и принадлежности. Это означает создание безопасной среды, где человек может чувствовать себя защищенным без необходимости быть агрессивным. Это означает предложение альтернативных групп, где принадлежность не требует отказа от автономии и подчинения насилию. Это означает помощь в развитии навыков саморегуляции, которые позволят человеку справляться со страхом и тревогой без обращения к агрессии.

Кроме того, наше понимание трансформации иерархии потребностей показывает, что работа с деструктивными группами должна быть комплексной и длительной. Нельзя ожидать, что человек, который годами удовлетворял свои потребности через насилие, быстро перестроится на здоровые паттерны. Это требует времени, терпения и поддержки. Как писал Д. В. Винникотт, «... процесс исцеления требует создания удерживающей среды, в которой человек может пережить травму заново, но в безопасности»⁸⁴ [С. 112].

Критика теории Маслоу в контексте депривированных сообществ открывает новые перспективы для психологической помощи. Она позволяет нам видеть за деструктивным поведением не зло, а искаженные потребности. И это понимание дает нам инструменты для реальной помощи тем, кто оказался в деструктивных группах.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что классическая иерархия потребностей Абрахама Маслоу не является универсальной моделью мотивации. В условиях депривации и хронического стресса, характерных для деструктивных групп, иерархия претерпевает существенные искажения. Потребность в безопасности удовлетворяется через доминирование и насилие, потребность в принадлежности — через подчинение и разделение травмы, потребность в уважении — через устрашение, а потребность в самоактуализации трансформируется в самоутверждение через разрушение.

Эти искажения не являются случайными отклонениями — они представляют собой системную трансформацию мотивационной структуры, которая позволяет группе выживать в экстремальных условиях. Однако эта трансформация имеет свою цену: она консервирует деструктивные паттерны поведения и блокирует развитие личности. Члены группы застревают в замкнутом круге, где безопасность требует постоянной агрессии, принадлежность требует постоянного подчинения, а уважение требует постоянного устрашения.

⁸⁴ Винникотт, Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

Понимание этой трансформации имеет важное значение для психологической работы с деструктивными группами. Оно показывает, что классические подходы, основанные на теории Маслоу, неэффективны в контексте депривации. Вместо этого мы должны предлагать членам деструктивных групп альтернативные способы удовлетворения их базовых потребностей — безопасные, не связанные с насилием и подавлением. Это требует времени, терпения и создания безопасной, удерживающей среды, в которой человек может пережить травму заново, но в безопасности.

В конечном счете, критика теории Маслоу в контексте депривированных сообществ не отвергает саму идею иерархии потребностей. Она показывает, что эта иерархия является не жесткой и универсальной структурой, а гибкой системой, которая адаптируется к условиям среды. В одних условиях она функционирует в классическом варианте, в других — трансформируется в патологические формы. Задача психологии — понять эти трансформации и помочь людям выйти из замкнутого круга деструктивности, восстановив здоровую структуру мотивации.

Этологические параллели: иерархия доминирования у приматов и человеческих банд — сходства и различия

Автор: к. т. н. Александр Евгеньевич Капитонов

УДК: 159.922.7

ББК: 88.52

Аннотация

Междисциплинарная статья, проводящая параллели между иерархическими структурами в животном мире и человеческих антисоциальных группах. Анализируются эволюционные корни доминантного поведения, ритуалы подчинения и механизмы внутригрупповой агрессии.

Ключевые слова: этология, иерархия доминирования, приматы, человеческие банды, агрессия, ритуалы подчинения, эволюция, стая, групповая динамика.

Вглядываясь в поведение уличных банд, тюремных сообществ или деструктивных культов, неподготовленный наблюдатель видит лишь хаос и жестокость, кажущиеся иррациональными и необъяснимыми с точки зрения здравого смысла. Однако при более внимательном анализе эти структуры обнаруживают поразительное сходство с иерархическими системами, которые ученые-этологи десятилетиями изучают у приматов и других социальных животных. Жесткая иерархия, ритуалы подчинения, демонстрация силы, наказание за нарушение правил, защита территории, групповое охотничье поведение, уход за ранеными и воспитание молодняка — все эти элементы, знакомые нам по наблюдениям за животными, находят свои точные аналоги в человеческих деструктивных группах. Это сходство не случайно и не является простой метафорой. Оно указывает на глубокие эволюционные корни группового поведения, которые сохраняются в человеческой психике, несмотря на тысячелетия культурного развития и цивилизационных изменений.

Человек, как и его ближайшие эволюционные родственники — шимпанзе, бонобо, гориллы и орангутанги, — является социальным существом, чье выживание на протяжении миллионов лет зависело от способности жить в группе, координировать действия, подчиняться лидерам и защищать свою группу от внешних угроз. Эти механизмы, сформированные в ходе естественного отбора, не исчезли с появлением цивилизации. Они продолжают действовать, особенно в условиях, когда внешняя среда становится враждебной и неопределенной. Как отмечал Конрад Лоренц, один из основоположников этологии, «... поведение человека, особенно в ситуациях стресса и конфликта, сохраняет множество черт, унаследованных от наших животных предков»⁸⁵ [С. 45]. Именно в деструктивных группах, где социальные нормы ослаблены или отсутствуют, эти архаичные механизмы проявляются наиболее отчетливо, как бы срывая культурные маски и обнажая биологическую природу человека.

Понимание этологических параллелей между поведением приматов и человеческих банд имеет не только теоретическое, но и глубокое практическое значение. Если мы признаем, что

⁸⁵ Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) / пер. с нем. Г. Ф. Швейника. — М.: Прогресс, 1994. — 272 с.

многие формы группового насилия коренятся в эволюционно древних механизмах, это меняет наши подходы к их профилактике и коррекции. Бороться с этими механизмами так же бессмысленно, как бороться с инстинктом голода или страхом высоты. Их нельзя устранить, но можно понять, предвидеть и направить в конструктивное русло. Как писал Нико Тинберген, «... ни одна наука не может претендовать на полноту, если она игнорирует эволюционные корни изучаемых явлений»⁸⁶ [С. 12]. Именно с этой междисциплинарной позиции мы подходим к анализу иерархий доминирования в животном мире и человеческих бандах.

Центральное понятие, связывающее этологию и психологию групп, — это иерархия доминирования. Термин был введен в научный обиход норвежским исследователем Торлейфом Шельдеруп-Эббе в 1920-х годах после его классических наблюдений за курами, которые продемонстрировали существование устойчивых линейных иерархий, получивших название «порядок клевания» (pecking order)⁸⁷. С тех пор феномен иерархии доминирования был обнаружен у десятков видов социальных животных — от насекомых до млекопитающих. Суть его проста: в любой стабильной группе особи выстраиваются в определенном порядке, где каждая знает свое место относительно других, и это знание позволяет избегать бесконечных конфликтов, которые истощали бы ресурсы группы. Иерархия выполняет функцию мирного урегулирования споров — вместо того чтобы каждый раз выяснять отношения в драке, животные используют ритуализированные демонстрации, которые сигнализируют о статусе и позволяют избежать прямого столкновения.

У приматов, наших ближайших родственников, иерархии доминирования достигают особенно сложной организации. Изучение шимпанзе, проведенное Джейн Гудолл в национальном парке Гомбе, показало, что их социальная структура включает не только индивидуальные иерархии, но и коалиции, союзы, политические маневры, которые поразительно напоминают человеческую политику⁸⁸. Доминантный самец (альфа-самец) удерживает свою позицию не только за счет физической силы, но и за счет способности создавать коалиции, поддерживать союзников и вовремя выявлять угрозы. Его власть не абсолютна и требует постоянного подтверждения. Любое проявление слабости, болезни или неудачи может стать сигналом для подчиненных, которые попытаются оспорить его статус. Точно так же в человеческих бандах лидер, как правило, является не просто самым физически сильным, но и самым политически гибким членом группы, способным манипулировать отношениями и создавать коалиции.

Джейн Гудолл описывает случаи, когда альфа-самец терял свою позицию после того, как его союзники переходили на сторону соперника, и это происходило не в результате драки, а в результате длительного политического маневрирования, включавшего демонстрации лояльности, обмен услугами, демонстрации силы и психологическое давление⁸⁹. Эти описания поразительно напоминают механизмы смены власти в человеческих криминальных группировках, где лидер также должен постоянно подтверждать свою власть, балансировать между интересами разных фракций, демонстрировать силу, не переходя в открытое насилие, которое могло бы ослабить группу в борьбе с внешними врагами. Опытный лидер, как и альфа-самец у шимпанзе, знает, когда нужно проявить жесткость, а когда — дипломатию и даже великодушие, чтобы сохранить лояльность подчиненных и избежать раскола.

⁸⁶ Тинберген Н. Изучение инстинкта / пер. с англ. М. И. Розенберга. — М.: Издательство иностранной литературы, 1954. — 420 с.

⁸⁷ Шельдеруп-Эббе Т. Социальная иерархия у птиц. // Журнал экспериментальной зоологии. — 1922. — №4. — С. 45—67

⁸⁸ Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение / пер. с англ. И. Г. Панова. — М.: Мир, 1992. — 680 с.

⁸⁹ Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение / пер. с англ. И. Г. Панова. — М.: Мир, 1992. — 680 с.

Однако между человеческими бандами и приматами существуют и значительные различия, обусловленные культурой, языком, технологиями и способностью к рефлексии. У приматов иерархия доминирования является преимущественно биологическим феноменом, основанным на физической силе и индивидуальных качествах. Хотя они способны на политические маневры, эти маневры ограничены непосредственным ситуационным контекстом и не включают сложных символических систем, которые мы находим в человеческих группах.

У шимпанзе нет понятий чести, долга, преданности идее или моральных оправданий насилия. Их агрессия всегда инструментальна и ситуативна — она либо защищает, либо добывает ресурсы. У людей же агрессия часто становится самооценной, идеологизированной, окрашенной моральными и политическими смыслами. Члены человеческих банд могут убивать не ради ресурсов, а ради поддержания «чести» своей группировки, чтобы отомстить за нанесенное оскорбление или чтобы продемонстрировать верность «своим». Эта символическая надстройка отсутствует у животных и является уникальным человеческим изобретением, усложняющим анализ и практическую работу с группами.

Культура и язык добавляют в человеческие иерархии измерения, которых нет у приматов. Человеческие банды создают сложные ритуалы, мифологию, систему символов (татуировки, специфическая одежда, жесты, сленг), которые маркируют статус и создают групповую идентичность. Эти символы не несут непосредственной биологической функции, но они выполняют важную социальную роль — они делают иерархию видимой и понятной для всех членов группы, создают язык для обсуждения статуса и сплочают группу через общие ритуалы. У приматов нет эквивалента татуировкам или специализированному сленгу, но их ритуалы груминга (вычесывания) или демонстративные позы выполняют схожую функцию социального маркирования.

Как отмечает Франс де Вааль, «... приматы создают свои культурные традиции, которые передаются из поколения в поколение и могут значительно различаться между разными группами одного вида»⁹⁰ [С. 89]. Эти традиции включают специфические способы приветствия, ухаживания, демонстрации подчинения и установления союзов — все то, что мы находим в человеческих сообществах.

Ритуалы подчинения представляют собой особенно интересную область параллелей. У приматов подчинение выражается через специфические позы: опускание головы, отведение взгляда, демонстрация наиболее уязвимых частей тела (живот, шея), иногда издание специфических звуков. Эти позы выполняют функцию сигнала: «Я принимаю твой статус, я не собираюсь оспаривать твою власть, пожалуйста, не нападай на меня». У животных эти сигналы ритуализованы и, как правило, ведут к немедленному прекращению агрессии. В человеческих бандах ритуалы подчинения более разнообразны

и могут принимать социально оформленные формы: новичок должен проявить уважение к старшим, выполнять поручения, демонстрировать преданность. Отказ от подчинения расценивается как агрессивный вызов, который немедленно пресекается насилием. Как писал Конрад Лоренц, «... ритуалы подчинения являются одной из важнейших эволюционных инно-

⁹⁰ де Вааль Ф. Политика у шимпанзе: власть и секс у приматов / пер. с англ. И. Г. Панова. — М.: Издательство Московского университета, 2000. — 432 с.

ваций, позволивших социальным животным жить в группах без постоянных смертельных конфликтов»⁹¹ [С. 112].

В животном мире ритуалы подчинения обычно ведут к немедленному прекращению агрессии. Доминантная особь, получив сигнал подчинения, редко продолжает нападение, и конфликт переходит в фазу «примирения», которая может включать груминг (вычесывание) или другие формы аффилиативного поведения. Это позволяет поддерживать целостность группы и предотвращать хроническую вражду, которая могла бы разрушить группу изнутри.

В человеческих бандах, к сожалению, механизм отмены агрессии действует не столь эффективно, особенно когда статус кажется нестабильным или группа находится в состоянии острого конфликта. Подчинение может быть воспринято как слабость, которая провоцирует дальнейшие нападки. Жертва в человеческой банде не может просто «отвести взгляд» и завершить конфликт. Ей приходится постоянно доказывать свою лояльность, терпеть унижения и надеяться, что когда-нибудь она сможет подняться по иерархической лестнице. В этом смысле человеческие иерархии более жестоки и менее стабильны, чем иерархии большинства приматов.

Исследования агрессии у приматов, проведенные Дайан Фосси, показали, что конфликты внутри групп горилл редко приводят к гибели особей⁹². После короткой, часто ритуализованной схватки, одна из особей демонстрирует подчинение, и конфликт заканчивается. Доминантный самец, получив сигнал подчинения, успокаивается и даже может проявить заботу о побежденном. В человеческих бандах исход конфликта может быть смертельным или ведущим к тяжелым травмам, поскольку ритуалы подчинения не всегда срабатывают как механизм деэскалации. Здесь мы наблюдаем эволюционно опасный сдвиг: культурные и социальные факторы могут отменять биологические механизмы торможения агрессии, что делает человеческое насилие более деструктивным и менее предсказуемым. Этот сдвиг связан, вероятно, с развитием оружия и технологий, которые усиливают последствия агрессии, и с появлением сложных идеологических конструкций, которые оправдывают насилие как морально необходимое.

Особенно ярко сходство между человеческими бандами и сообществами приматов проявляется в защите территории. У многих видов приматов, включая шимпанзе, наблюдаются патрулирования границ, когда группы самцов выходят на периферию своей территории, чтобы проверить присутствие чужаков и, при необходимости, атаковать их. Джейн Гудолл описывала систематические рейды шимпанзе Гомбе на соседние территории, которые могли заканчиваться смертью захваченных особей. *«Шимпанзе убивают шимпанзе — это был шокирующий вывод, который изменил наше представление о „мирных“ приматах»*⁹³ [С. 345].

Уличные банды также защищают свою территорию от посягательств конкурентов, используя патрули, разведывательные вылазки и внезапные атаки, призванные продемонстрировать силу и предупредить о возможных последствиях вторжения. Эта территориальность имеет общие эволюционные корни: ресурсы ограничены, конкуренция за них жестока, и защита своей зоны влияния повышает шансы на выживание и воспроизводство. В обоих слу-

⁹¹ Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) / пер. с нем. Г. Ф. Швейника. — М.: Прогресс, 1994. — 272 с.

⁹² Фосси Д. Гориллы в тумане / пер. с англ. М. М. Скачковой. — М.: Прогресс, 1985. — 400 с.

⁹³ Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение / пер. с англ. И. Г. Панова. — М.: Мир, 1992. — 680 с.

чаях групповое насилие является инструментом сохранения ресурсной базы и демонстрации силы перед потенциальными конкурентами.

Важно отметить, что у некоторых приматов, особенно у бонобо, агрессия значительно менее выражена, чем у шимпанзе, и иерархии строятся не на доминировании, а на кооперации и социальных связях⁹⁴. Бонобо используют секс для снятия напряжения, не так агрессивны по отношению к сородичам, и их иерархия более гибкая и эгалитарная. Этот пример показывает, что эволюция не предопределяет только один путь — агрессивное доминирование.

Существуют альтернативные модели социальной организации, основанные на сотрудничестве и взаимопомощи. Важно исследовать, какие условия способствуют выбору именно этой модели, ведь человеческое общество также могло бы эволюционировать в сторону кооперации, если бы создавались соответствующие условия. Наше исследование человеческих банд может извлечь из этого важный урок: агрессия — не неизбежность, а выбор, зависящий от множества факторов, включая культурные, экономические и социальные. В условиях ресурсного изобилия и низкой внешней угрозы группы могут становиться более мирными и эгалитарными, независимо от их биологической природы.

Человеческие банды, как показывают исследования, включают в себя не только жесткую иерархию, но и элементы заботы, сотрудничества и взаимопомощи, которые напоминают поведение приматов. Раненые члены банды могут получать помощь, осиротевшие дети могут браться под опеку, а старшие члены группы могут выполнять функции наставников и хранителей традиций. Это свидетельствует о том, что даже в деструктивных группах сохраняются про-социальные инстинкты, которые могут быть активизированы при определенных условиях. Э. О. Уилсон в своей теории социобиологии утверждал, что «... *альтруизм и кооперация имеют биологические корни и являются эволюционно стабильными стратегиями при определенных условиях*»⁹⁵ [С. 278]. Понимание этого двойственного потенциала — и агрессивного, и кооперативного — критически важно для работы по трансформации деструктивных групп.

С точки зрения эволюционной психологии, человеческие банды могут рассматриваться как современные атавизмы, то есть формы социальной организации, характерные для более ранних стадий человеческого развития, но сохраняющиеся в определенных условиях. Джон Боулби писал: «*Психологическая структура человека сформирована для жизни в малых группах охотников-собирателей, и в условиях современной цивилизации она может давать сбои, которые проявляются в виде деструктивного поведения*»⁹⁶ [С. 45]. Уличные банды, таким образом, воспроизводят древние модели группового поведения, характерные для наших далеких предков: они жестко структурированы, требуют преданности группе и готовности к насилию, основаны на личных отношениях и взаимных обязательствах. Именно эта архаичность делает их такими устойчивыми и такими трудными для трансформации.

Эволюционные корни иерархии доминирования и внутригрупповой агрессии глубоки и требуют понимания механизмов, через которые эти паттерны передаются и активируются в разных социальных контекстах. Одним из таких механизмов является нейробиологический. Исследования показывают, что доминантное поведение у приматов связано с уровнем серото-

⁹⁴ де Вааль Ф. Бонобо: забытый примат / пер. с англ. И. Г. Панова. — М.: Издательство Московского университета, 1997. — 320 с.

⁹⁵ Уилсон, Э. О. Социобиология: новый синтез / пер. с англ. В. В. Соколова. — М.: Мир, 1987. — 650 с.

⁹⁶ Боулби Дж. Привязанность / пер. с англ. Н. Г. Горюновой. — М.: Гардарики, 2003. — 480 с.

нина, тестостерона и других нейромедиаторов. Доминантные особи часто имеют более высокий уровень серотонина, что делает их менее импульсивными и более эффективными в управлении конфликтами. В человеческих бандах аналогичные механизмы действуют: лидеры часто демонстрируют низкий уровень тревожности, высокую социальную компетентность и способность управлять агрессией, что делает их эффективными лидерами.

Понимание этих нейробиологических механизмов открывает возможности для медицинских и психологических интервенций, направленных на коррекцию агрессивного поведения. Однако, как справедливо предостерегает Э. Фромм, «... сводить человеческую агрессию к биологии означает игнорировать уникальные социальные и культурные факторы, которые играют решающую роль в ее формировании»⁹⁷ [С. 245]. Нейробиологические механизмы — это лишь один из уровней анализа, который должен быть дополнен социальным, культурным и психологическим подходами.

Сходства и различия между иерархиями приматов и человеческих банд могут дать ключ к пониманию того, как трансформировать деструктивные группы в просоциальные сообщества. Если иерархия и агрессия имеют эволюционные корни, то попытки полностью их устранить, вероятно, обречены на неудачу. Однако можно использовать знание этих механизмов, чтобы предложить группе альтернативные формы иерархии и способы разрешения конфликтов. Например, этология показывает, что ритуалы подчинения у животных часто работают как механизмы деэскалации, предотвращающие хроническое насилие. В человеческих группах можно было бы ввести аналогичные ритуалы признания статуса и разрешения конфликтов, которые снижали бы необходимость в физическом насилии и способствовали бы более мирному сосуществованию внутри группы. Подобные ритуалы могли бы включать формальные процедуры признания заслуг, механизмы разрешения споров и обряды примирения, которые не связаны с насилием и унижением.

Другой важный урок, который можно извлечь из этологии, касается роли коалиций и альянсов. У приматов политические маневры и коалиции часто играют более важную роль в поддержании иерархии, чем прямая физическая сила. Это указывает на то, что в человеческих бандах также можно было бы воздействовать на иерархию через изменение социальных связей и альянсов. Если бы можно было создать альтернативные коалиции, ориентированные на просоциальные ценности, это могло бы изменить структуру власти в группе без необходимости применения насилия. Природа социальных связей в группе — это то, что психологи и социальные работники могут использовать в своей работе. Создание альтернативных социальных кругов, предлагающих новые идентичности и смыслы, могло бы постепенно вытеснить старые модели поведения, работая с естественными социальными механизмами, а не против них.

Еще одно важное различие между человеческими бандами и сообществами приматов заключается в роли младших членов группы и механизмах их социализации. У приматов молодые особи учатся поведению через наблюдение и игру. Они проводят много времени, играя со сверстниками и взрослыми, и в процессе игры осваивают социальные навыки, учатся разрешать конфликты, договариваться и уступать. Эта игра является важным механизмом социализации, который позволяет молодым особям безопасно осваивать сложные социальные нормы. В человеческих бандах ритуалы социализации для младших членов гораздо более жесткие и часто строятся на унижении, насилии и принуждении, что, вероятно, способствует воспроизводству насилия в следующих поколениях и закреплению иерархического мышления. Новичок

⁹⁷ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова. — М.: АСТ, 2016. — 736 с.

в банде должен «доказать себя» через прохождение болезненных ритуалов инициации, которые не имеют аналогов в животном мире, или, по крайней мере, являются гораздо более жесткими, чем любые естественные ритуалы социализации, наблюдаемые у приматов.

В отличие от этого, у приматов социализация молодняка происходит в основном через подражание и игру, а не через травматические ритуалы. Молодые шимпанзе учатся социальным нормам, наблюдая за взрослыми, и постепенно встраиваются в иерархию, не проходя через унижительные инициации. Это наблюдение может иметь практическое значение для работы с деструктивными группами: если бы мы могли создать для младших членов группы альтернативные модели социализации, основанные на наблюдении и игре, а не на унижении и насилии, это могло бы постепенно изменить культуру всей группы. Программы наставничества, где старшие члены группы выступают в роли положительных ролевых моделей, могли бы стать эффективным инструментом профилактики деструктивного поведения.

Важным аспектом, который сближает человеческие банды и сообщества приматов, является также роль эмоций и аффективной регуляции. У приматов агрессия часто возникает в состоянии сильного эмоционального возбуждения и угасает после того, как напряжение спадает. Ритуалы подчинения и примирения играют важную роль в восстановлении эмоционального равновесия. У людей, особенно в деструктивных группах, эмоциональная регуляция часто нарушена, и агрессия может становиться хронической, а не эпизодической. Это может быть связано с тем, что в человеческих бандах отсутствуют эффективные ритуалы примирения, аналогичные грумингу у приматов. Создание таких ритуалов могло бы способствовать снижению уровня внутригрупповой агрессии и укреплению групповой стабильности без необходимости в постоянном подавлении и насилии.

Наконец, важно отметить, что человеческие банды обладают способностью к рефлексии и самокритике, которая полностью отсутствует у животных. Члены банды могут осознавать деструктивность своих действий и чувствовать вину или стыд. У приматов нет концепций вины или стыда в том смысле, в котором мы их понимаем. Их поведение регулируется инстинктами и эмоциями, а не моральными категориями. Это принципиальное различие открывает возможность для психологической работы: если человек способен к рефлексии, он может пересмотреть свои ценности и изменить поведение. В этом смысле человеческие банды обладают потенциалом к трансформации, которого нет у сообществ приматов. Это дает надежду на то, что даже самые жесткие и деструктивные группы могут быть изменены при правильном подходе, если мы сможем апеллировать к их способности к рефлексии и самопознанию.

Таким образом, этологический анализ человеческих банд показывает, что они не являются чисто социальными или культурными феноменами, а имеют глубокие эволюционные корни, связывающие их с поведением приматов. Иерархия доминирования, ритуалы подчинения, территориальное поведение, групповое насилие — все эти формы поведения имеют биологическую основу, которая сформировалась миллионы лет назад и продолжает действовать в современном мире. Одновременно с этим, человеческие банды отличаются от сообществ приматов рядом ключевых особенностей, связанных с культурой, языком, символами и способностью к рефлексии. Это различие дает нам ключ к пониманию того, как можно трансформировать деструктивные группы в просоциальные сообщества: работая с их уникально человеческими способностями к рефлексии и изменению, используя их социальные механизмы для создания альтернативных моделей поведения, признавая биологические основы агрессии и предлагая им более конструктивные способы удовлетворения тех же самых потребностей.

Понимание этих параллелей и различий является не просто академическим упражнением, а практическим инструментом для психологов, педагогов, социальных работников и сотрудников правоохранительных органов. Когда мы видим в агрессивном поведении членов банд не просто «зло» или «криминал», но эволюционно древние механизмы выживания, адаптированные к современным условиям, мы можем находить более эффективные и гуманные способы работы с такими группами. Мы можем создавать альтернативные пути для реализации тех же потребностей в статусе, принадлежности и безопасности, которые сейчас реализуются через насилие и разрушение. Это требует времени, терпения, междисциплинарного подхода и готовности видеть за деструктивным фасадом человеческую природу с ее древними, но изменчивыми программами поведения. Именно этот путь — от биологического детерминизма к социальному конструированию, от инстинкта к культуре, от конфликта к сотрудничеству — и является ключевым в трансформации «стай» в «сообщество».

От стаи к сообществу: психология изменения антисоциальных норм в группе

Введение

В предыдущем разделе мы рассмотрели феномен «стаи» как особого состояния группы, проанализировали его структурные характеристики, типологию деструктивных сообществ и эволюционные корни иерархического поведения. Мы увидели, что деструктивные группы обладают внутренней логикой, которая делает их устойчивыми и самовоспроизводящимися системами, способными существовать десятилетиями, несмотря на внешние попытки воздействия.

Однако знание анатомии «стаи» ставит перед нами следующий, неизбежный и гораздо более сложный вопрос: возможна ли принципиальная трансформация такой группы в просоциальное сообщество? Может ли группа, построенная на страхе, насилии и жесткой иерархии, добровольно и устойчиво отказаться от этих механизмов и перейти к отношениям, основанным на доверии, сотрудничеству и взаимному уважению? Этот вопрос является центральным для всей нашей работы, поскольку именно в нем сходятся теоретические и практические интересы психологии, педагогики, социальной работы и криминологии.

Если ответ на него будет отрицательным — если мы приходим к выводу, что деструктивные группы принципиально неспособны к изменению, — тогда все наши усилия должны быть направлены исключительно на их подавление, изоляцию или расформирование. Но если трансформация возможна, если «стая» может стать «сообществом», то перед нами открывается совершенно иной горизонт практической работы, требующий не борьбы, а понимания, не подавления, а создания условий для изменения, не наказания, а исцеления. Именно эту возможность мы намерены исследовать в данном разделе. Вопрос о трансформации деструктивных групп — это не только академическая проблема, но и вопрос нашей человеческой ответственности перед теми, кто оказался в этих группах, и перед обществом, которое страдает от их деятельности. От того, какой ответ мы дадим на этот вопрос, зависит, будем ли мы видеть в членах деструктивных групп просто «преступников», которых нужно изолировать, или людей, которые могут измениться, если им помочь.

Классическая социальная психология и психология групп накопили значительный объем знаний о том, как формируются и изменяются групповые нормы. Курт Левин показал, что изменение социальных норм возможно через создание нового «поля сил», в котором старые паттерны поведения перестают быть адаптивными, а новые становятся привлекательными⁹⁸. Теория социального научения Альберта Бандуры объясняет, как агрессия может быть переучена через демонстрацию альтернативных моделей поведения и их позитивное подкрепление⁹⁹. Теория социальной идентичности Генри Тайфела и Джона Тернера связывает изменение групповых норм с переопределением идентичности — когда группа начинает определять себя

⁹⁸ Левин К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. И. Ю. Айхенвальда. — СПб.: Речь, 2000. — 408 с.

⁹⁹ Бандура, А. Агрессия: социально-психологический анализ / пер. с англ. Ю. Брянцевой. — М.: Эксмо-Пресс, 2001. — 640 с.

иначе, меняются и ее ценности, и ее поведение¹⁰⁰. Однако ни одна из этих теорий не дает полного ответа на вопрос о специфике трансформации именно деструктивных групп, чья идентичность построена вокруг насилия, а нормы поддерживаются через страх и подавление инакомыслия.

Эти теории, как правило, описывают изменения в относительно здоровых группах, где есть хотя бы минимальный уровень доверия и готовности к сотрудничеству. В деструктивной «стае» таких предпосылок нет, и процесс изменения должен начинаться с создания самих этих предпосылок. Особую сложность представляет тот факт, что деструктивные группы обладают мощными механизмами самовосстановления. Они не просто устойчивы к внешним воздействиям — они активно отторгают любое новое, что не вписывается в их внутреннюю логику. Лидер, поддерживающий свою власть через страх, заинтересован в сохранении существующего порядка.

Рядовые члены группы, зависимые от лидера и группы, боятся изменений, которые могут лишить их иллюзорной защиты. Ритуалы унижения и общая травма создают мощные эмоциональные связи, которые не могут быть разрушены рациональными аргументами. Трансформация «стаи» в «сообщество» требует не просто смены лидера или изменения правил, а принципиальной перестройки всей системы отношений, идентичности и способов удовлетворения потребностей.

Слишком часто мы наблюдаем, как попытки «перевоспитания» заканчиваются провалом, как бывшие члены банд возвращаются к прежней жизни, как даже самые многообещающие проекты по ресоциализации дают лишь временный эффект. Этот скепсис имеет под собой серьезные основания: деструктивные группы действительно являются одними из самых устойчивых социальных систем, и их изменение требует необычайных усилий и благоприятных условий. Однако отказ от поиска путей трансформации означает признание безнадежности, что противоречит как гуманистическим ценностям, так и практическому опыту тех немногих, кому удавалось добиться устойчивых изменений.

Существуют примеры, пусть и редкие, когда уличные банды превращались в общественные организации, когда бывшие члены деструктивных культов находили новые смыслы и новую идентичность, когда тюремные сообщества начинали транслировать просоциальные нормы. Эти примеры, несмотря на их исключительность, показывают, что трансформация возможна, и стимулируют исследовательский поиск ее механизмов и условий. Это придает нашему исследованию не только теоретическую, но и практическую значимость.

В поисках ответа на вопрос о возможности трансформации мы обращаемся к анализу ключевых механизмов, которые могут запустить процесс изменений в деструктивной группе. Одним из таких механизмов является появление «альтернативного центра» — внешнего агента или идеи, которые способны инициировать процесс изменений и не быть уничтоженными на начальных этапах взаимодействия с группой. Исследование показывает, что такой альтернативный центр должен обладать тремя ключевыми характеристиками: его нельзя запугать (он не реагирует на угрозы привычным страхом), его нельзя подкупить (он не обменивает свою позицию на статус или ресурсы) и его невозможно игнорировать (он предлагает нечто, что удовлетворяет депривированную потребность группы).

¹⁰⁰ Тайфел Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения / Г. Тайфел, Дж. Тернер // Иностранная психология. — 1993. — Т. 1, №2. — С. 15—27

В отличие от лидера «стаи», который поддерживает свою власть через страх и насилие, альтернативный центр действует через привлекательность и способность предложить то, чего группе не хватает, но в безопасной и не разрушительной форме. Этот механизм, как показывают исследования, работает через последовательную смену фаз — от агрессивного отторжения, через недоверчивое наблюдение, к селективному принятию.

Другим ключевым механизмом трансформации является эмоциональная синхронизация, которая возникает в момент сильного коллективного переживания — общего смеха, совместного горя или катарсиса. В деструктивных группах рациональные аргументы и убеждения не работают, потому что члены этих групп привыкли интерпретировать любую коммуникацию как иерархическую (кто кого переспорит = кто кого победит). Эмоциональное заражение, напротив, работает быстрее и глубже любой аргументации, создавая новые связи между членами группы, минуя рациональные барьеры и иерархические защиты. Критически важной здесь оказывается последовательность переживаний: сначала должна быть снижена психологическая защита через положительную эмоцию (радость, смех), и только после этого становится возможной глубокая эмоция (горе, страх), которая без предварительной разрядки была бы встречена агрессией или отрицанием. Катарсис, как разрядка подавленного аффекта, оставляет после себя ощущение обновления, пустоты, которая требует заполнения, и именно в этот момент группа наиболее чувствительна к новым нормам и ценностям.

Однако эмоциональная синхронизация сама по себе не гарантирует устойчивой трансформации — она создает временную связь и снижает защиту, но новые нормы должны быть закреплены через ритуализацию (группа начинает воспроизводить ситуацию, вызвавшую эмоциональный подъем), вербализацию (появляется язык для описания нового опыта) и санкционирование (группа начинает самостоятельно наказывать нарушителей новых норм). И здесь возникает ключевой вопрос об устойчивости изменений: будет ли новая идентичность держаться после того, как исчезнет внешний источник изменений, или группа вернется к исходному состоянию при первой же внешней угрозе? Наш анализ показывает, что устойчивость зависит от того, является ли отказ от насилия добровольным и внутренне мотивированным или он был вызван внешним принуждением, страхом наказания или давлением нового лидера. В первом случае трансформация имеет шансы стать устойчивой, во втором — она неизбежно окажется временной и поверхностной.

Важно также признать, что существуют группы и условия, в которых трансформация «стаи» в «сообщество» практически невозможна, по крайней мере, в обозримой перспективе. К таким группам относятся, в первую очередь, те, чьи члены находятся на глубокой стадии психологической деградации, с разрушенной способностью к эмпатии и эмоциональной синхронизации. Если способность к эмпатии разрушена настолько, что человек не может эмоционально синхронизироваться с другими (отсутствует базовое доверие, реакция на чужую боль заменена агрессией или безразличием), то механизм эмоционального заражения не запускается.

Серьезным препятствием является также высокая внешняя угроза, когда группа сплочена против реального врага и любое новое воспринимается как опасность для выживания, а также экономическая выгода от насилия, когда агрессия является основным источником дохода и отказ от нее означает экономическое самоубийство. В таких случаях возможна лишь «псевдотрансформация» — имитация изменений, при которой группа сохраняет свою струк-

туру и практики, но учиться более искусно их скрывать от внешнего наблюдения, и которая обнаруживает себя при первом же серьезном кризисе.

Таким образом, перед нами разворачивается сложная и многомерная картина, в которой трансформация деструктивной группы предстает как возможный, но не гарантированный и не универсальный процесс. Эта картина требует от нас не только теоретического анализа, но и практической мудрости, позволяющей отличать ситуации, где изменение реально, от ситуаций, где оно невозможно, и выбирать соответствующие стратегии работы.

Исследование этой сложной проблемы мы начинаем с анализа того, как выглядит исходная «стая» — ее структура, функции и психологическая экономика членства, чтобы затем перейти к рассмотрению условий, при которых в ней может появиться альтернативный центр изменений, и механизмов, запускающих трансформацию. Мы также обратим особое внимание на границы этой модели, на те типы групп и условия, в которых трансформация становится невозможной, и попытаемся ответить на вопрос, что делать в таких случаях. Этот анализ позволит нам не только понять природу группового насилия, но и найти реальные пути его трансформации, основанные на глубоком понимании психологических механизмов, удерживающих людей в деструктивных группах.

Альтернативный центр: к типологии агентов изменения в закрытых сообществах

Автор: *к. т. н. Александр Евгеньевич Капитонов*

УДК: 316.6

ББК: 88.5

Аннотация

В статье систематизируются характеристики внешнего агента, способного инициировать изменения в деструктивной группе. Выделяются три ключевых свойства: неуязвимость (неподверженность запугиванию), неконкурентность (отказ от борьбы за статус) и способность удовлетворять депривированную потребность группы. Анализируются реальные и гипотетические примеры таких агентов.

Ключевые слова: альтернативный центр, агент изменения, деструктивная группа, трансформация, неуязвимость, депривация, групповая динамика.

Что позволяет внешнему агенту инициировать изменения в деструктивной группе, построенной на страхе и насилии? Почему одни попытки вмешательства оказываются успешными, а другие терпят крах, несмотря на схожие начальные условия? Эти вопросы имеют не только теоретическое, но и глубокое практическое значение для психологов, социальных работников и других специалистов, работающих с деструктивными группами. Деструктивные группы обладают мощными механизмами самовосстановления и активно сопротивляются любым попыткам изменения извне. Лидер, поддерживающий свою власть через страх, заинтересован в сохранении существующего порядка любой ценой, а рядовые члены группы, зависящие от лидера, боятся изменений, которые могут лишить их иллюзорной защиты.

Ритуалы унижения и общая травма создают эмоциональные связи, которые не могут быть разрушены рациональными аргументами. Однако, как показывает практика, изменения все же иногда происходят, и ключевым фактором, запускающим эти изменения, становится появление в жизни группы «альтернативного центра» — внешнего агента или идеи, которые оказываются невосприимчивыми к механизмам подавления, действующим в группе. Альтернативный центр — это не просто «хороший человек», пришедший в группу с благими намерениями. Это особая фигура или идея, которая обладает тремя ключевыми характеристиками, делающими ее невосприимчивой к стандартным механизмам контроля, действующим в деструктивной группе. Понимание этих характеристик является необходимым условием для эффективной работы с деструктивными группами. Без этого понимания любые попытки вмешательства остаются поверхностными и обреченными на неудачу.

Первая и, пожалуй, самая важная характеристика альтернативного центра — это неуязвимость для запугивания. Альтернативный центр не реагирует на угрозы привычным для членов группы страхом, не отступает перед агрессией, не ищет защиты у лидера. Эта неуязвимость не является проявлением бравады или безрассудной смелости, а основана на глубокой внутренней уверенности, которая не может быть поколеблена внешними обстоятельствами. Члены деструктивной группы привыкли к тому, что страх является универсальным регулятором отношений, и когда они сталкиваются с кем-то, кто не боится, их привычная картина мира

дает сбой. Как отмечал Э. Фромм, «*Страх — это наиболее эффективный инструмент контроля, и тот, кто не поддается страху, становится неуязвимым для власти*»¹⁰¹ [С. 178].

Неуязвимость не означает отсутствия страха как такового — это было бы нечеловечно и нереалистично. Речь идет о способности не позволять страху определять поведение, о способности сохранять внутреннюю устойчивость перед лицом угрозы. Эта способность, как показывают исследования, может иметь разные источники: религиозную веру, твердые моральные принципы, профессиональную компетентность, личный опыт преодоления травм или просто зрелость личности. Важно также отметить, что неуязвимость альтернативного центра проявляется не только в момент прямого столкновения с агрессией, но и в повседневном взаимодействии с группой. Члены группы постоянно проверяют границы, пытаются найти слабое место, и любое проявление страха или неуверенности может стать сигналом к атаке. Именно поэтому альтернативный центр должен демонстрировать устойчивость последовательно и систематически, чтобы группа постепенно привыкла к мысли, что этого человека нельзя запугать.

Вторая ключевая характеристика альтернативного центра — это неконкурентность, то есть отказ от борьбы за статус и власть внутри группы. Альтернативный центр не претендует на место лидера, не вступает в борьбу за ресурсы и привилегии, не пытается занять место в существующей иерархии. В деструктивной группе вся жизнь построена вокруг борьбы за статус и власть, и члены группы постоянно оценивают друг друга, выясняя, кто сильнее и кто имеет право командовать. Когда появляется кто-то, кто не вступает в эту борьбу, это создает когнитивный диссонанс — такой человек не укладывается в привычную схему «свой — чужой, друг — враг, выше — ниже».

Неконкурентность альтернативного центра создает вокруг него поле, свободное от привычной борьбы за власть, и в этом поле члены группы могут впервые испытать взаимодействие, не основанное на страхе и подчинении. Как пишет Д. В. Винникотт, «... истинная независимость заключается не в том, чтобы доминировать, а в том, чтобы быть способным существовать без доминирования и без подчинения»¹⁰² [С. 156]. Именно эта возможность — пережить отношения без борьбы за власть — становится для некоторых членов группы шокирующим и притягательным опытом. Неконкурентность альтернативного центра также снимает угрозу для лидера группы, который может воспринимать его как потенциального конкурента. Если лидер чувствует, что альтернативный центр не претендует на его власть, он с большей вероятностью позволит ему остаться в группе и взаимодействовать с ее членами.

Третья характеристика альтернативного центра — это способность удовлетворять депривированную потребность группы. Деструктивная группа, несмотря на свою внешнюю силу, парадоксальным образом депривирована во многих фундаментальных потребностях. Потребность в безопасности здесь удовлетворяется через насилие, потребность в принадлежности — через подчинение, потребность в уважении — через устрашение. Однако эти способы удовлетворения являются суррогатными и не дают подлинного удовлетворения, и члены группы живут в состоянии хронической неудовлетворенности, которая создает внутреннее напряжение. Это напряжение, как ни странно, делает группу уязвимой для альтернативы, потому что каждый член группы в глубине души чувствует, что что-то идет не так.

¹⁰¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова. — М.: АСТ, 2016. — 736 с.

¹⁰² Винникотт Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

Когда альтернативный центр предлагает способ удовлетворения той же потребности, но без насилия и страха, это создает мощное притяжение. Как точно сформулировала эту идею исследовательница групповой динамики, «... *невозможно победить жажду, запрещая человеку пить грязную воду. Нужно просто предложить ему чистую*»¹⁰³ [С. 134]. Разные типы альтернативных центров могут удовлетворять разные депривированные потребности. Одни агенты изменения фокусируются на потребности в безопасности, предлагая защиту и стабильность без насилия. Другие — на потребности в принадлежности, создавая пространство принятия и безусловной поддержки. Третьи — на потребности в уважении, признавая ценность и достоинство каждого члена группы независимо от его статуса.

Эффективность альтернативного центра во многом зависит от того, насколько точно он определяет депривированную потребность именно этой конкретной группы и насколько убедительно он предлагает способ ее удовлетворения. Универсальной формулы не существует: то, что работает для одной группы, может оказаться бесполезным или даже вредным для другой. Именно поэтому работа с деструктивными группами требует глубокого понимания их специфики и индивидуального подхода. Альтернативный центр должен быть чутким к потребностям группы и гибким в выборе способов взаимодействия.

На основе того, каким образом реализуются три ключевых свойства, можно выделить несколько **типов альтернативных центров**.

Первый тип — харизматический лидер-альтернатива. Это человек, который обладает мощной личной харизмой, позволяющей ему влиять на других без использования насилия. Его неуязвимость основана на внутренней уверенности, которая передается другим, а его неконкурентность проявляется в том, что он не претендует на власть как таковую, а предлагает иной путь. Его способность удовлетворять депривированную потребность связана с его личным примером и убедительностью, которая вдохновляет членов группы на изменения.

Однако харизматический альтернативный центр несет в себе серьезный риск: если он уйдет из группы по любой причине, группа может потерять ориентир и вернуться к старому состоянию. Как отмечает М. Вебер, «*Харизма — это самый нестабильный тип власти, поскольку она держится исключительно на личности лидера*»¹⁰⁴ [С. 647]. Поэтому, работая с харизматическим альтернативным центром, важно параллельно создавать институциональные и символические механизмы, которые могли бы поддержать изменения после его ухода. Это может быть создание новых групповых ритуалов, формирование автономной идентичности или передача лидерских функций нескольким членам группы.

Второй тип — институциональный альтернативный центр, представляющий собой не отдельную личность, а организацию, программу или идею. Его неуязвимость основана на институциональной поддержке — государственной, общественной или международной, которая защищает его от прямого насилия. Его неконкурентность проявляется в том, что он не вступает в борьбу за власть внутри группы, а действует на другом уровне, предлагая доступ к ресурсам. Его способность удовлетворять депривированную потребность связана с доступом к образованию, работе, легальным формам деятельности, которых у группы нет.

¹⁰³ Головаха Е. И. Социальная психология группы / Е. И. Головаха, Н. В. Панина. — Киев: Наукова думка, 1988. — 224 с.

¹⁰⁴ Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. Ю. Н. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.

Институциональный альтернативный центр более устойчив, чем харизматический, поскольку не зависит от одной личности. Однако он может быть менее гибким и менее чутким к потребностям конкретной группы, поскольку его действия регламентированы формальными процедурами и бюрократическими правилами. Как показывает опыт работы с уличными бандами, успешные институциональные программы сочетают системность с индивидуальным подходом и гибкостью в адаптации к меняющимся условиям¹⁰⁵. Именно сочетание системного подхода и гибкости делает институциональный альтернативный центр эффективным инструментом трансформации.

Третий тип — событийный альтернативный центр, который представляет собой не личность и не институт, а событие или переживание, кардинально меняющее восприятие членами группы себя и мира. Таким событием может быть сильное коллективное эмоциональное переживание — совместный смех, катарсис, пережитый вместе кризис или успех. Его неуязвимость проявляется в том, что событие не может быть запугано или подкуплено, поскольку не является субъектом. Его неконкурентность заключается в том, что оно не претендует на власть и не борется за статус, а его способность удовлетворять депривированную потребность проявляется в том, что оно дает членам группы опыт удовлетворения потребностей в новой, не деструктивной форме.

Событийный альтернативный центр может быть особенно эффективным, поскольку он не создает зависимости от внешнего агента и оставляет группе свободу самостоятельного осмысления произошедшего. Как писал Л. С. Выготский, «... искусство и другие формы эмоционального переживания могут стать механизмом катарсиса, меняющего личность»¹⁰⁶ [С. 252]. Важно отметить, что событийный альтернативный центр часто становится отправной точкой для дальнейших изменений, но сам по себе он не гарантирует устойчивой трансформации без последующего закрепления новых норм и ритуалов.

Четвертый тип — символический альтернативный центр, представляющий собой идею, образ или символ, обладающий большой притягательной силой для членов группы. Таким символом может быть новая идентичность («мы не банда, а сообщество»), новая цель («мы создаем, а не разрушаем») или новая ценность («мы уважаем друг друга, а не боимся»). Символический альтернативный центр не требует физического присутствия агента изменения, он живет в сознании членов группы и постепенно трансформирует их восприятие. Его неуязвимость проявляется в том, что идею нельзя запугать или устранить насилием, а его неконкурентность заключается в том, что идея не претендует на власть, а предлагает новый способ мышления.

Способность символического альтернативного центра удовлетворять депривированную потребность связана с тем, что он дает членам группы новый смысл и новую идентичность. Как отмечает В. Франкл, «... человек может вынести любое „как“, если у него есть достаточно сильное „зачем“»¹⁰⁷ [С. 86]. Символический альтернативный центр может быть особенно эффективным в группах, где насилие уже привело к экзистенциальному кризису и члены группы начали задаваться вопросами о смысле своей жизни и деятельности. В таких условиях новая идея или новая идентичность может стать тем спасательным кругом, который вытащит группу из деструктивного состояния.

¹⁰⁵ Клейн М. Уличные банды: социологический анализ / пер. с англ. А. В. Костиной. — М.: Академия, 2006. — 320 с.

¹⁰⁶ Выготский Л. С. Психология искусства. — М.: Искусство, 1968. — 576 с.

¹⁰⁷ Франкл В. Человек в поисках смысла / пер. с англ. Д. А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.

В реальной практике альтернативные центры редко встречаются в чистом виде, и чаще всего мы наблюдаем их сочетание. Харизматический лидер, поддерживаемый институциональной структурой, использующий символическую систему и создающий событийные переживания, оказывается наиболее эффективным. Такое сочетание позволяет каждому из типов компенсировать слабости другого: харизматический лидер дает группе эмоциональную связь и вдохновение, институциональная поддержка обеспечивает устойчивость и ресурсы, символическая система дает смысл и идентичность, а событийные переживания создают эмоциональный прорыв и катарсис. Именно комбинация всех этих элементов позволяет трансформации быть не только начатой, но и закрепленной и устойчивой.

Альтернативный центр, каким бы типом он ни был, неизбежно сталкивается с сопротивлением группы. Первая реакция деструктивной группы на появление альтернативного центра — агрессивное отторжение, когда члены группы пытаются уничтожить или изгнать чужеродный элемент, нарушающий их привычный мир. Эта реакция является защитной и автоматической, и если альтернативный центр не выдерживает этого давления и исчезает, процесс изменений заканчивается, так и не начавшись. Если же он выдерживает первую волну агрессии, группа переходит к следующей фазе — недоверчивому наблюдению, когда члены группы начинают присматриваться к альтернативному центру, пытаются понять его природу и намерения.

Эта фаза критически важна, потому что именно в ней закладывается основа для будущих изменений. Ключевую роль на этом этапе играют маргинальные члены группы — те, кому меньше всего терять в существующей иерархии, кто первыми проявляют любопытство и начинают взаимодействовать с альтернативным центром. Они создают мост между старым и новым, позволяя другим членам группы постепенно привыкать к присутствию альтернативного центра. Важнейшим фактором, определяющим судьбу альтернативного центра, является позиция лидера группы. Если лидер терпит присутствие альтернативного центра и позволяет членам группы проявлять любопытство, процесс изменений получает шанс на успех.

Если же лидер требует тотального отвержения, альтернативный центр будет уничтожен, несмотря на все свои характеристики. Однако и терпимость лидера не является гарантией успеха, поскольку лидер может терпеть альтернативный центр, надеясь использовать его в своих целях, или осознавать, что его власть ослабевает, и пытаться найти компромисс с новой силой. Как отмечает Дж. Боулби, *«Иерархическая система власти в группе всегда является результатом сложного баланса сил и может быть изменена не только через прямое противостояние, но и через постепенное изменение этого баланса»*¹⁰⁸ [С. 267]. Понимание этой сложной динамики является ключом к успешной работе с деструктивными группами и требует от специалистов не только теоретических знаний, но и практической мудрости.

Альтернативный центр, обладающий тремя ключевыми свойствами, не гарантирует трансформации деструктивной группы, но создает возможность для изменения. Он открывает окно возможностей, которое может быть использовано или упущено, и успех трансформации зависит от множества факторов. К таким факторам относятся готовность группы к изменению, наличие внутренних ресурсов, внешние условия, тактика самого альтернативного центра и множество других переменных. Однако без альтернативного центра изменение практически невозможно, поскольку деструктивная группа, предоставленная самой себе, будет воспроизводить свои паттерны бесконечно.

¹⁰⁸ Боулби Дж. Привязанность / пер. с англ. Н. Г. Горюновой. — М.: Гардарики, 2003. — 480 с.

Понимание природы альтернативного центра, его свойств и типов является критически важным для всех, кто работает с деструктивными группами. Это понимание позволяет не только осознанно выбирать стратегии работы, но и прогнозировать возможные трудности и заранее к ним готовиться. В практической работе с деструктивными группами важно помнить, что альтернативный центр — это не волшебное средство, а инструмент, который требует осознанного и ответственного применения. Ошибки на этом пути могут не только не привести к изменениям, но и усугубить ситуацию, укрепив защитные механизмы группы и сделав ее еще более закрытой и враждебной.

Именно поэтому так важна рефлексия и профессиональная подготовка специалистов, работающих с деструктивными группами. Им необходимо не только знать теоретические модели, но и уметь применять их в реальных, часто непредсказуемых и опасных условиях. Только сочетание теоретического понимания и практической мудрости может привести к устойчивым и позитивным изменениям в деструктивных группах. Альтернативный центр — это ключ к трансформации, но этот ключ должен быть использован правильно, с пониманием всех рисков и возможностей, которые открываются перед группой и перед теми, кто пытается помочь ей измениться.

Фазовая динамика перехода: от агрессивного отторжения к селективному принятию

Автор: к. т. н. Александр Евгеньевич Капитонов

УДК: 316.6

ББК: 88.5

Аннотация

Статья описывает стадийность процесса трансформации: агрессивное отторжение — недоверчивое наблюдение — селективное принятие. Особое внимание уделяется роли маргинальных членов группы на этапе перехода от отторжения к наблюдению и значению терпимости лидера для выживания альтернативного центра.

Ключевые слова: фазовая динамика, агрессивное отторжение, недоверчивое наблюдение, селективное принятие, маргиналы, лидер, трансформация.

Появление альтернативного центра в деструктивной группе запускает сложный и многомерный процесс, который редко бывает линейным и предсказуемым. Группа, построенная на страхе, насилии и жесткой иерархии, не может мгновенно принять нового агента изменений, даже если этот агент обладает всеми необходимыми характеристиками — неуязвимостью, неконкурентностью и способностью удовлетворять депривированные потребности. Вместо этого группа проходит через несколько последовательных фаз, каждая из которых имеет свою внутреннюю логику, свои психологические механизмы и свои риски.

Понимание этой фазовой динамики является критически важным для практической работы с деструктивными группами, поскольку позволяет специалистам не только прогнозировать реакции группы, но и осознанно выбирать стратегии поведения на каждом этапе взаимодействия. Без этого понимания даже самый подготовленный и компетентный специалист рискует совершить ошибки, которые не только не приведут к изменениям, но и усугубят ситуацию.

Курт Левин, один из основоположников социальной психологии, в своих исследованиях групповой динамики показал, что любое изменение в группе проходит через три стадии: размораживание старых норм, изменение и замораживание новых¹⁰⁹. В контексте деструктивных групп этот процесс приобретает особую остроту и драматизм, поскольку размораживание старых норм здесь означает отказ от привычных способов выживания, а изменение связано с глубокой трансформацией идентичности. Фазовая динамика, которую мы рассмотрим, является конкретизацией модели Левина применительно к деструктивным группам. Она описывает, как именно происходит размораживание, изменение и замораживание в условиях, где страх и насилие являются основными регуляторами отношений.

Особенность деструктивных групп заключается в том, что они обладают мощными механизмами самовосстановления и активно сопротивляются любым попыткам изменения извне.

¹⁰⁹ Левин К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. И. Ю. Айхенвальда. — СПб.: Речь, 2000. — 408 с.

Лидер, поддерживающий свою власть через страх, заинтересован в сохранении существующего порядка любой ценой. Рядовые члены группы, зависимые от лидера и группы, боятся изменений, которые могут лишить их иллюзорной защиты. Ритуалы унижения и общая травма создают эмоциональные связи, которые не могут быть разрушены рациональными аргументами. Поэтому процесс трансформации в деструктивной группе всегда является драматическим и конфликтным, сопровождается острыми кризисами и требует от альтернативного центра не только профессиональной компетентности, но и личной зрелости. Альтернативный центр должен быть способен выдерживать агрессию, не отвечая на нее агрессией.

Исследования показывают, что успешная трансформация деструктивной группы возможна только при условии, что альтернативный центр понимает и учитывает фазовую динамику процесса. Каждая фаза имеет свои задачи, свои риски и свои стратегии поведения, и то, что эффективно на одной фазе, может оказаться разрушительным на другой. Например, на фазе агрессивного отторжения важно проявлять устойчивость и не реагировать на провокации, но на фазе недоверчивого наблюдения важно уже начинать строить доверительные отношения с отдельными членами группы. Игнорирование фазовой динамики приводит к тому, что альтернативный центр либо сдается на первой фазе, либо пытается форсировать изменения, что вызывает еще более жесткое сопротивление группы.

Важнейшим аспектом фазовой динамики является то, что она не является линейной и необратимой. Группа может возвращаться на предыдущие фазы, особенно в моменты кризисов и стрессов, когда старые защитные механизмы активизируются с новой силой. Возврат к агрессивному отторжению может произойти, если альтернативный центр допускает ошибку, проявляет слабость или если группа сталкивается с внешней угрозой. Возврат к недоверчивому наблюдению может произойти, если новые нормы не дают ожидаемых результатов или если лидер меняет свою позицию. Поэтому работа с деструктивной группой требует постоянного внимания к фазовой динамике и готовности адаптировать стратегию поведения в зависимости от изменяющейся ситуации.

В данной статье мы рассмотрим три ключевые фазы трансформации деструктивной группы: фазу агрессивного отторжения, фазу недоверчивого наблюдения и фазу селективного принятия. Каждая из этих фаз имеет свои характерные признаки, свои психологические механизмы и свои стратегии поведения для альтернативного центра. Мы проанализируем, как происходит переход между фазами, какие факторы способствуют этому переходу и какие факторы его блокируют. Особое внимание мы уделим роли маргинальных членов группы на этапе перехода от отторжения к наблюдению и значению терпимости лидера для выживания альтернативного центра.

Фазовая динамика трансформации деструктивной группы может быть понята через аналогию с процессом заживления глубокой раны. Сначала организм отвергает чужеродное тело, пытаясь избавиться от него любой ценой — это фаза агрессивного отторжения. Затем, если чужеродное тело не удаляется, организм начинает привыкать к нему, формируя вокруг него защитную капсулу — это фаза недоверчивого наблюдения. И только потом, если чужеродное тело оказывается полезным или хотя бы неопасным, организм начинает интегрировать его в свою структуру — это фаза селективного принятия. Как и в биологическом процессе, в групповой динамике нельзя пропустить фазы или ускорить их искусственно.

Важно понимать, что каждая фаза трансформации предъявляет свои требования не только к альтернативному центру, но и к группе в целом. На фазе агрессивного отторжения

группа мобилизует свои защитные механизмы и демонстрирует максимальную сплоченность против внешней угрозы. На фазе недоверчивого наблюдения внутри группы начинают появляться трещины — одни члены проявляют любопытство, другие продолжают сопротивляться. На фазе селективного принятия группа раскалывается на сторонников и противников изменений, и этот раскол может быть болезненным, но необходимым для дальнейшего развития. Альтернативный центр должен уметь работать с каждой из этих динамик.

Исследования показывают, что большинство попыток трансформации деструктивных групп терпят неудачу именно на ранних фазах, когда альтернативный центр не выдерживает агрессивного отторжения и покидает группу. Это происходит потому, что многие специалисты недооценивают силу защитных механизмов деструктивной группы и оказываются неготовыми к той интенсивности агрессии, с которой сталкиваются. Как отмечает Д. В. Винникотт, «... способность выдерживать агрессию, не отвечая на нее агрессией, является одним из самых сложных и важных навыков в работе с травмированными группами»¹¹⁰ [С. 115].

Те специалисты, которые проходят через фазу агрессивного отторжения и достигают фазы недоверчивого наблюдения, имеют значительно более высокие шансы на успех, поскольку группа уже начинает привыкать к их присутствию и ослабляет свои защитные механизмы. Однако переход между фазами никогда не происходит автоматически — он требует от альтернативного центра осознанных усилий и правильной стратегии поведения. Понимание фазовой динамики является ключевым элементом подготовки специалистов, поскольку оно позволяет им не только прогнозировать реакции группы, но и осознанно выбирать стратегии поведения, соответствующие текущей фазе процесса трансформации.

Первая фаза взаимодействия альтернативного центра с деструктивной группой — это фаза агрессивного отторжения. На этом этапе группа воспринимает появление альтернативного центра как прямую угрозу своей целостности и стабильности. Члены группы, особенно те, кто занимает высокие позиции в иерархии, мобилизуются для уничтожения или изгнания чужеродного элемента. Агрессивное отторжение проявляется в различных формах: от открытых угроз и физического насилия до систематического игнорирования, насмешек и психологического давления. Цель этой фазы — показать альтернативному центру, что он здесь чужой и что его присутствие недопустимо. Как отмечает Э. Фромм, «... группа, построенная на страхе, не терпит инаковости, поскольку инаковость ставит под сомнение саму основу ее существования»¹¹¹ [С. 256].

Механизмы агрессивного отторжения могут быть разными в зависимости от типа группы и ее внутренней структуры. В уличных бандах это может быть прямое физическое насилие или угроза его применения, когда альтернативному центру дают понять, что его жизнь в опасности. В деструктивных культах — идеологическая изоляция и объявление альтернативного центра «враждебным агентом» или «носителем зла», что позволяет членам группы оправдать любые действия против него. В корпоративных токсичных средах — систематическая дискредитация, слухи и исключение из коммуникации, когда человека просто «выдавливают» из коллектива. Однако независимо от формы, цель остается одной: показать альтернативному центру, что его присутствие нежелательно и что он должен покинуть группу.

¹¹⁰ Винникотт Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

¹¹¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с англ. Э. М. Телятникова. — М.: АСТ, 2016. — 736 с.

Успех или неудача альтернативного центра на этой фазе определяет все дальнейшее развитие событий. Если альтернативный центр не выдерживает давления, проявляет страх, неуверенность или слабость, он будет уничтожен группой, которая воспримет это как подтверждение своей силы и правоты. Если он покидает группу добровольно, процесс изменений заканчивается, так и не начавшись, а группа возвращается в свое привычное состояние, и ее защитные механизмы становятся еще более жесткими. Если же альтернативный центр выдерживает первую волну агрессии, не отвечает на насилие насилием, сохраняет внутреннюю устойчивость и продолжает предлагать альтернативные способы взаимодействия, группа переходит ко второй фазе. Это первый и самый критический рубеж.

Ключевой стратегией на фазе агрессивного отторжения является демонстрация неуязвимости. Альтернативный центр должен показать группе, что он не боится, не отступает и не меняет своего поведения под давлением. Это не означает провокаций или вызова — наоборот, важно сохранять спокойствие и доброжелательность, даже сталкиваясь с открытой враждебностью. Важно также не отвечать на агрессию агрессией, поскольку это подтвердило бы группе, что альтернативный центр действует в рамках той же системы страха и насилия. Вместо этого альтернативный центр должен демонстрировать альтернативные способы реагирования — спокойствие, уверенность, готовность к диалогу, но без уступок страху.

Другой важной стратегией на этой фазе является сохранение неконкурентной позиции. Альтернативный центр должен четко дать понять группе, что он не претендует на власть и не угрожает позиции лидера. Любое подозрение в том, что альтернативный центр пытается захватить власть, немедленно усилит агрессивное отторжение и сделает дальнейшее взаимодействие невозможным. Поэтому важно подчеркивать, что цель альтернативного центра — не замена существующей иерархии, а предложение дополнительных возможностей, которые не умаляют статуса лидера и не угрожают положению старших членов группы. Это снижает уровень угрозы и делает группу более открытой к взаимодействию.

Третьей стратегией является постепенное удовлетворение депривированных потребностей группы. На фазе агрессивного отторжения альтернативный центр не может предложить группе что-то напрямую — это будет воспринято как подкуп или манипуляция. Однако он может начать демонстрировать свои возможности через взаимодействие с отдельными членами группы, особенно с маргиналами, которые меньше всего связаны с существующей иерархией. Через них альтернативный центр может показать группе, что его присутствие может принести пользу, не угрожая существующему порядку. Это постепенно снижает уровень агрессии и создает условия для перехода

Выход альтернативного центра из фазы агрессивного отторжения в фазу недоверчивого наблюдения является переломным моментом, который требует от него не только устойчивости, но и мудрости. Важно не просто «выдержать» агрессию, но и правильно интерпретировать ее, не переходя в ответную агрессию и не становясь жертвой. Альтернативный центр должен демонстрировать группе, что он не представляет угрозы, что его присутствие не связано с желанием захватить власть или разрушить группу. Только когда группа начинает осознавать это, она переходит к следующей фазе.

Вторая фаза взаимодействия — фаза недоверчивого наблюдения. На этом этапе интенсивность агрессивных реакций снижается, но не исчезает полностью. Члены группы начинают присматриваться к альтернативному центру, пытаясь понять, что он собой представляет, чего хочет и чем может быть полезен. Недоверчивое наблюдение — это фаза психологического рав-

новесия, когда группа еще не приняла альтернативный центр, но уже перестала активно его отвергать. Это время, когда члены группы ищут информацию, проверяют границы и пытаются понять, не таит ли альтернативный центр скрытой угрозы. Эта фаза может длиться недели и даже месяцы.

Недоверчивое наблюдение характеризуется амбивалентными реакциями: часть группы продолжает проявлять враждебность, другая часть начинает проявлять любопытство, а большинство занимает выжидательную позицию. На этом этапе критически важную роль играют маргинальные члены группы — те, кто занимает низшие позиции в иерархии и кому меньше всего терять в существующей системе отношений. Маргиналы первыми начинают взаимодействовать с альтернативным центром, проявляя любопытство и интерес. Они становятся своего рода «пионерами» изменений, создавая мост между альтернативным центром и остальной группой.

Маргинальные члены группы играют роль «агентов двойного сознания» — они одновременно принадлежат группе и уже частично приняли альтернативный центр. Это двойственное положение делает их уязвимыми, но одновременно и чрезвычайно значимыми для процесса трансформации. Они могут транслировать опыт взаимодействия с альтернативным центром остальным членам группы, показывая, что этот опыт не опасен. Они могут демонстрировать альтернативные способы поведения, не вызывая немедленной агрессии, поскольку их низкий статус делает их менее заметными и менее угрожающими для иерархии. В этом смысле маргиналы выполняют функцию «социальных мостов».

Однако роль маргиналов не ограничивается только трансляцией нового опыта. Они также становятся объектами агрессии со стороны тех членов группы, которые продолжают сопротивляться изменениям. Эта агрессия может быть направлена на маргиналов как на «предателей», «слабаков» или «чужаков», и она может быть особенно жестокой. Альтернативный центр должен быть готов к тому, что его взаимодействие с маргинальными членами группы может спровоцировать всплеск насилия, и должен уметь защищать тех, кто проявляет к нему интерес. Как пишет Д. В. Винникотт, «... способность выдерживать агрессию, не отвечая на нее агрессией, является ключевым условием для создания безопасного пространства»¹¹² [С. 115].

Особую роль на фазе недоверчивого наблюдения играет позиция лидера группы. Лидер, как главный носитель власти и главный гарант существующего порядка, может либо поддерживать процесс изменений, либо заблокировать его. Если лидер терпит присутствие альтернативного центра, не требует его немедленного уничтожения и позволяет членам группы проявлять любопытство, процесс изменений получает шанс на успех. Если же лидер требует тотального отвержения и наказывает тех, кто проявляет интерес к альтернативному центру, изменения становятся невозможными. Терпимость лидера — это необходимое, но не достаточное условие для трансформации.

Терпимость лидера может проявляться в разных формах. В одних случаях лидер открыто разрешает взаимодействие с альтернативным центром, санкционируя его присутствие. В других — он просто закрывает глаза на то, что члены группы проявляют интерес, не вмешиваясь в этот процесс. В третьих — он сам начинает проявлять интерес к альтернативному центру, пытаясь понять, что тот может предложить группе. Каждая из этих форм имеет свои послед-

¹¹² Винникотт Д. В. Игра и реальность / пер. с англ. В. В. Зеленского. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. — 288 с.

ствия, и специалист должен уметь оценивать позицию лидера и выбирать стратегию поведения, соответствующую этой позиции. Как отмечает У. Бюн, «... лидер группы является не просто носителем власти, но и символическим представителем групповых ценностей»¹¹³ [С. 89].

На фазе недоверчивого наблюдения альтернативный центр должен постепенно выстраивать доверительные отношения с отдельными членами группы, начиная с маргиналов и постепенно переходя к более статусным членам. Это требует терпения и последовательности: нельзя форсировать события и пытаться вовлечь в взаимодействие тех, кто еще не готов. Важно также продолжать демонстрировать неуязвимость и неконкурентность, чтобы не спровоцировать возврат к агрессивному отторжению. Постепенно, по мере того как все больше членов группы убеждаются в безопасности и полезности альтернативного центра, группа переходит к третьей фазе.

Третья фаза взаимодействия — фаза селективного принятия. На этом этапе часть группы начинает активно принимать альтернативный центр и его ценности. Селективное принятие не является всеобщим и полным — оно всегда частичное и распространяется только на некоторых членов группы. Как правило, первыми принимают новые нормы те, кто уже взаимодействовал с альтернативным центром на предыдущих фазах: маргинальные члены группы, часть среднего звена и иногда, если лидер поддерживает изменения, некоторые приближенные к нему люди. Эта фаза знаменует начало реальных изменений в группе.

Селективное принятие характеризуется тем, что члены группы начинают не только взаимодействовать с альтернативным центром, но и присваивать его ценности, делать их своими. Это проявляется в изменении поведения, в появлении новых ритуалов, в возникновении нового языка для описания происходящих изменений. На этом этапе появляются первые признаки «новой идентичности»: члены группы начинают говорить о себе иначе, определять себя не через принадлежность к «стае», а через принадлежность к новому, более просоциальному сообществу. Как отмечает Г. Тайфел и Дж. Тернер, «... изменение групповой идентичности является ключевым механизмом трансформации»¹¹⁴ [С. 22].

Однако селективное принятие не означает, что процесс трансформации завершен. На этом этапе группа становится расколотой: часть членов приняла новые нормы, часть продолжает сопротивляться, а часть занимает выжидательную позицию. Этот раскол может привести к конфликтам, к обострению внутренних противоречий и даже к распаду группы. Задача альтернативного центра на этом этапе — не допустить деструктивного раскола, а помочь группе интегрировать новые нормы в общую идентичность. Это требует умения работать с сопротивлением, терпения и способности находить компромиссы.

Ключевой стратегией на фазе селективного принятия является поддержка и укрепление тех членов группы, которые приняли новые нормы. Альтернативный центр должен помогать им формировать новую идентичность, создавать новые ритуалы и новые формы взаимодействия. Важно также работать с сопротивлением, но не через борьбу, а через диалог и демонстрацию преимуществ новых норм. Те, кто сопротивляется, должны видеть, что принятие новых норм не означает потери статуса или защиты, а наоборот, открывает новые возможности. Это требует времени и терпения.

¹¹³ Бюн У. Опыты в группах / пер. с англ. А. М. Кессельман. — М.: Когито-Центр, 2014. — 240 с.

¹¹⁴ Тайфел Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения / Г. Тайфел, Дж. Тернер // Иностранная психология. — 1993. — Т. 1, №2.

На этой фазе особенно важно закрепление изменений через ритуализацию и вербализацию. Группа должна начать регулярно воспроизводить новые формы поведения, превращая их в традицию. Должен появиться язык для описания нового опыта, позволяющий обсуждать и передавать новые нормы. Группа должна начать самостоятельно наказывать нарушителей новых норм, но это наказание должно быть направлено против насилия, а не за него. Только когда новые нормы становятся саморегулирующимися, трансформация становится устойчивой.

На фазе селективного принятия альтернативный центр может постепенно ослаблять свое присутствие, передавая инициативу самой группе. Это важный этап, поскольку устойчивость изменений зависит от того, сможет ли группа поддерживать новые нормы без внешнего контроля. Если альтернативный центр остается в группе слишком долго, это может создать новую зависимость, которая разрушится при его уходе. Поэтому важно постепенно передавать ответственность самой группе, поддерживая ее автономию и способность к саморегуляции.

Переход от селективного принятия к полной трансформации требует времени и может занимать месяцы и даже годы. Важно, чтобы альтернативный центр сохранял терпение и не форсировал события. Полная трансформация наступает тогда, когда новые нормы становятся доминирующими в группе, когда большинство членов группы принимают их как свои, когда старые деструктивные паттерны уходят в прошлое. Однако даже после этого группа может возвращаться к старым паттернам в моменты кризисов, поэтому работа по поддержанию новых норм должна быть постоянной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.